
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ ПО ПРОЕКТУ «МАНИФЕСТА НОВОГО РУССКОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА»*

Проект «Манифеста нового русского критического реализма» (далее «Манифест») был опубликован в № 1, 2011 «Приокских зорь», а также в № 17 (2011 г.) красноярского журнала «Истоки» и в альманахе «НЛО» (г. Новомосковск Тульской области). Учитывая, что журнал «Приокские зори» публикуется в электронной форме на сайте www.medtsu.tula.ru, содержание «Манифеста» было доведено до всех читающих по-русски. Приглашение к участию в дискуссии содержалось как в самом тексте документа, так и доводилось до сведения всех лиц и организаций, не чуждых дальнейшему поддержанию и развитию русского литературного процесса.

Поясним: понятие «русский» в названии «Манифеста» — это не этнический термин, но обозначение принадлежности авторов, читателей, общественных и иных организаций к великой русской литературе, ее продолжению в лучших произведениях русской, интернациональной советской литературы, современной русской, российской реалистической литературы.

Редколлегия нашего журнала, как организатор дискуссии, была приятно удивлена активностью ее участников, неформальным, выверенным подходом к сущности положений «Манифеста». Это очень приятно и даже символично на общем фоне современного культурного угасания — не только в России, но и во всем так называемом «цивилизованном мире», — очень напоминающем вялотекущую морально-эти-

* См. также выше интервью с В. В. Жириновским, где затронуты некоторые положения «Манифеста нового русского критического реализма».

ческую и нравственно-культурную шизофрению... Другого слова не подыщешь, если под современной литературой понимать глянцевые журнальчики, примитивнейшие детективы с женскими псевдонимами и коммерческие, запиаренные издания.

Вполне естественно, что наиболее активное участие приняли в дискуссии постоянные, новые и потенциальные авторы «Приокских зорь». Символично и симптоматично, что прислали свои отзывы, комментарии и предложения наши авторы и читатели из других стран: США, Великобритании, Германии. Это тем более ценно, что мы имеем «взгляд издалека». А со стороны и издалека — по аналогии со зрением — все видится укрупненно, в несколько ином ракурсе.

Правда, оказались и зарубежные респонденты, ответившие в том смысле, что этот «Манифест» не для них, поскольку они уже давно не живут в России (а ранее в СССР). Что здесь сказать... Даже — представим умозрительно — что вы проживаете, как полковник разведки генштаба Российской империи Миклухо-Маклай, на глухом берегу Папуа — Новой Гвинеи, либо же который сезон полярничаете в Антарктиде на станции «Скотт-Амундсен», но пишете по-русски, активно печатаетесь в российских литжурналах, получаете престижные российские литературные премии, в статусе которых значится «активное участие в современном русском литературном процессе», то почему же «Манифест» не для вас? Впрочем, свободу выбора и мнений никто директивно не отменял...

Далее. За исключением членов редколлегии, в дискуссии вовсе не приняли участие тульские литераторы, в том числе многочисленные авторы «Приокских зорь». Все в строгом соответствии с пословицей: сапожник без сапог.

Понятно неучастие и руководителей, функционеров различных писательских союзов, творческих клубов, литературных объединений. — Им не до того, сохранить бы в полном безденежье и отсутствии госпризнания, хотя бы формально, свои организации. Редколлегия журнала прекрасно это понимает и не ропщет на невнимание к «Манифесту».

Не менее понятен и этакий снобизм кузницы писательских кадров — Литературного института им. А. М. Горького. Кстати, имеющего в «Приокских зорях» свою постоянную рубрику. Учившиеся в Литинституте на рубеже 70—80-х гг., когда в воздухе уже витал запах будущего либерализма, вспоминают, как молодые тогда их наставники, ассистенты и старшие преподаватели, на занятиях, заговорщицки приглушив голос, говорили о необходимости обновления и дополнения базовых положений соцреализма и реализма вообще.

...Прошли годы. Ассистенты и старшие преподаватели Литинститута стали докторами филологических наук, профессорами, заведующими кафедрами, проректорами... Надо полагать, что для себя они нашли эти приемы обновления и дополнения, но поделиться ими в рамках дискуссии не торопятся... Но выпускники Литинститута указанных городов благодарны им. Они, как и Герцен, памятник которому стоит во дворе Литинститута, зажгли в своих воспитанниках искру творчества... и методологии этого творчества.

Но вот непонятно упорное молчание наших авторов-сибиряков. Они не первый год имеют в «Приокских зорях» свою обширную рубрику. Они так стремятся печататься в изданиях Европейской России ... и никакой реакции на «Манифест».

Но мы, как люди доброжелательные, и этому факту найдем объяснение. Как люди прямодушные и уважающие мнения корифеев русской литературы, они не менее прямо следуют завету гения нашей поэзии: *«Во глубине сибирских руд храните...»*. И так далее.

На этом и закончим преамбулу и перейдем собственно к материалам дискуссии.

...Все же пришла и весточка из «сибирских руд», от **Сергея Прохорова**, главного редактора литературного журнала «Истоки», дружественного «Приокским зорям».

Журнал этот уникален даже и потому, что издается в поселке Нижний Ингаш на самом востоке Красноярского края. Тем не менее известен и в России, и за ее пределами.

...А насчет обсуждения «Манифеста» даже не знаю. Умные мысли как-то не приходят. А, может, я просто слегка в стороне от реализма вообще, не говоря уже о критическом. Хотя где-то иногда и проскальзывает что-то в своем творчестве. Но это так мелко. Пример надо брать у литературных зубров. И если, по мнению А. М. Горького, последним критическим реалистом XIX века был А. П. Чехов, то по моему мнению, последним жестким реалистом второй половины минувшего и начала нынешнего веков был наш сибирский писатель Виктор Петрович Астафьев, волею судьбы он — мой крестный, при жизни благословивший меня на правдивое слово в творчестве. Я, конечно, понимаю суть и цель Манифеста критического реализма, может, как-то по-своему, как и каждый, прочитавший его (в зависимости от своего сегодняшнего взгляда на современную литературу), тоже понимает это по-своему. Единственное, с чем мы должны быть единомышленниками — литературное слово не должно исказить ни нравственность, ни сущность характера героя, ни тем более истории места, края, государства. И нести в себе положительные флюиды в строительстве нашего земного социального сосуществования. И в малом, и в глобальном масштабах. Вот куда меня понесло! Простите меня, но, ей-богу, не знаю, как организовать отклик на Манифест.

Сергей Тимофеевич пишет искренне, не завуалировано. Но он сосредоточился только на «жестком реализме», а это всего лишь только одна из многих ипостасей широко понимаемого критического реализма. Тем более нового.

Также дружественный «Приокским зорям» Творческий клуб «Московский Парнас» (основатель и руководитель ведущий современный русский критик Леонид Васильевич Ханбеков) не остался в стороне от обсуждения «Манифеста».

Обстоятельный отзыв написала **Ирина Кедрова**, профессор из Москвы, академик Академии российской литературы, лауреат литературных премий, писатель-прозаик, критик и публицист, заведующая отделами критики в журналах «Приокские зори» и «Московский Парнас»; член Союза писателей России.

Размышляя о Манифесте нового критического реализма

По привычке обращаться к значению слов, чтобы разобраться в сути сказанного, заглядываю в словарь.

Манифест — обращение общественной организации с изложением взглядов, программ и предложений.

Итак, общественная организация — Академия российской литературы — обращается к читателям с провозглашением идей, на которых объединяется большая группа современных писателей, стоящих на позиции главенства творческого метода, называемого критическим реализмом.

Известно, что этот метод, как и одноименное литературное направление, берет начало в России в XVIII веке, проявляясь значимыми элементами в творчестве А. Д. Кантемира, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина и Н. И. Новикова. Однако силу он набирает в XIX веке, и, как отмечают историки литературы, проходит от этапа дворянского (К. Ф. Рылеев, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь) к буржуазно-демократическому (Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов), а затем и к социалистическому, создателем которого явился А. М. Горький.

От перечисленных имен, начиная с А. Д. Кантемира и заканчивая А. М. Горьким, дух захватывает. Кто из современных писателей не хотел бы встать рядом с ними? Кто откажет им в умении проникнуть в глубину человеческого характера, неминуемо связанного с социальными обстоятельствами и с жизненными условиями, как на этапе формирования, так и затем — в проявлении? Разве не предназначена ху-

дожественная литература для того, чтобы вскрывать типическое и высвечивать уникальное? Чтобы специфическими средствами, а именно: словом, словосочетанием, замыслом, сюжетом, фабулой, литературной формой правдиво отразить реальную действительность? Да разве не находим мы в произведениях, написанных методом критического реализма, отражение нынешней действительности?

Кто из вас, дорогие читатели, отрицает современность слов Д. И. Фонвизина, написанных им еще в 60-е годы XVIII столетия?

...Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга — господа, а знатные бояре
Нередко обмануть хотят и государя...
За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца!..

По данным Счетной палаты РФ ежегодно уходит на сторону один триллион рублей из суммы, выделенной бюджетом страны на госзакупки. Куда эти деньги уходят? Председатель Счетной палаты С. В. Степашин заметил в декабре прошлого года: «Из 6 триллионов рублей, направляемых в год на госзакупки, около триллиона рублей оседает в карманах жуликов и проходимцев». Эти средства могли бы значительно улучшить социальную сферу, повысить пенсии, зарплаты учителям и врачам. «За деньги... готовы обмануть».

Вряд ли мы откажем Г. Р. Державину в остром и весьма современном взгляде, который, например, обнаружился в такой характеристике:

«Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами...
(«Вельможа», 1794)

К сожалению, и в наши дни «осел останется ослом...», какое бы значимое место в обществе он ни занимал.

Живая разговорная речь утверждалась в русской литературе XVIII века, хотя еще сильны были каноны риторического выражения мысли, однако введение разговорного русского языка явилось одним из проявлений реалистичного отображения жизни.

А в XIX веке реалистический стиль изложения характеризуется активным внедрением живого разговорного языка в текст, как в авторский, так и в речь персонажей произведений. И эта речь становится дополнительной характеристикой персонажа, доказательством его принадлежности конкретному социальному слою.

Вместе с тем происходил двусторонний процесс, в котором реальная жизнь проникала в произведение через разговорную речь, но и художественная литература влияла на речевое развитие общества. Создавались нормы языковой культуры, и в этом состояло величайшее значение литературного отображения жизни.

Вот и сейчас, не раз и не два мы, в минуту грустную, в обстоятельствах неясных или, наоборот, весьма прозрачных, вспоминаем строки А. С. Грибоедова:

«Блажен, кто верует, тепло ему на свете!»;
«Что за тузы в Москве живут и умирают!»;
«Служить бы рад, прислуживаться тошно»;
«Свежо предание, а верится с трудом»;
«Чины людьми даются,
А люди могут обмануться».

Современный литературный процесс идет разными путями. Некоторым не нравится выражение «литературный процесс». Но слово «процесс», означающее последовательную смену состояний, единство закономерно следующих друг за другом стадий развития, составляющих непрерывное движение, наилучшим образом отражает обсуждаемую нами тему.

В недрах классицистической литературы зародилось романтизированное отражение действительности, всегда возвышенное, находящееся в непрерывном поиске героя. Существует точка зрения, что романтизм и реализм — противоположны друг другу. Мы же убеждены в том, что романтизм нередко проникает в реалистический метод изображения действительности и делает это изображение ярче и привлекательнее.

Логичным развитием литературного процесса является возникновение критического реализма, главная задача которого состоит в том, чтобы исследовать социальную действительность, общественные отношения и процессы развития личности в этой действительности и в характерных для общества отношениях.

Критический реализм отражает происходящие в обществе изменения, да и сам в них отражается. Активное участие в войне 1812 года народных масс, выдержавших на себе ее тяготы, спасших Россию от французских захватчиков, привело к новому взгляду на действительность. Усиливались свободолюбивые настроения, появилось неприятие крепостничества, развился интерес к простому человеку — не к великому государственному деятелю, не к бесстрашному герою, а к тому, кто тяжким трудом ежедневно создает «богатство» России, кто способен ее защитить в трудный час, кто чувствует, любит, страдает, и кто достоин изображения в литературном произведении.

Так, например, А. И. Полежаев создал в поэме «Сашка» образ свободолюбивого студента, у которого «свобода в мыслях и поступках». Характеру полежаевского героя свойственно:

Не знать судьбу никого,
Ни подчиненности трусливой,
Ни лицемерия ханжей,
Но жажду вольности строптивой
И необузданность страстей» (1825).

Поэма, проникнутая вольнолюбием, послужила причиной ареста А. И. Полежаева и отправки в военную службу.

Народ описан во многих произведениях послевоенного времени. Назовем произведения, известные со школьной скамьи: «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Сорока-воровка» А. И. Герцена, «Записки охотника» И. С. Тургенева и др.

Связь с народом, глубокое осмысление его роли и потенциала в общественном развитии, становится одной из ведущих черт критического реализма.

Критика существующего строя, государственной власти, несправедливости общественных порядков — эта нескончаемая тема литературно-художественного исследования оказалась необходимой в поиске путей развития России.

Эта тема возвела литераторов на новый этап критического реализма, связанный с развитием революционно-демократических идей. Произведения Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Г. Чернышевского вскрывали мощь и силу народных масс, способных взорвать социальный порядок. В творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова раскрывалась личность, способная мир перевернуть и себя преобразить.

Каждый из названных авторов делал это особым, ему присущим, способом. Так

А. П. Чехов, придерживаясь метода критического реализма, внес в него авторское отношение, наполненное легкой усмешки и грустного юмора.

Когда же на политическую арену вступил пролетариат, не желавший жить в прежних порядках, критический реализм пережил новое состояние, которое назвали реализмом социалистическим.

Мы можем спорить о нужности, важности и сути социалистического реализма, можем его отрицать, но он существовал без нашего на то соизволения. Этот метод поставил на первое место человека рабочего труда, революционно добивавшегося своих прав, начавшего строительство государственного строя, который, по утверждению мыслителей прошлого, мог дать ему свободу и лидерство в общественном развитии. Критическое отношение к общественным отношениям, построенным на эксплуатации человека, усиливалось и становилось определяющим, хотя сама эта эксплуатация рассматривалась ограниченно, лишь в рамках отношений «хозяин собственности и работник, преумножающий эту собственность».

Что произошло? Стал ли рабочий хозяином слова, страны, вершителем судеб? Да и был ли у него потенциал для руководящей силы в созидании? Устранил ли он эксплуатацию человека человеком? Эти вопросы находятся вне нашего обсуждения. А литература, отстаивавшая новые — социалистические — идеи, отразила свое время и вырастила своих авторов.

Итак, литературный процесс, непрерывно развиваясь, не только отражает реальную действительность, но и связан с условиями жизни общества.

Однако обратимся к современной литературе. Реалистична ли она?

Надо ли сегодня раскрывать роль народа, вскрывать недостатки существующего общества, проследить путь созидания в человеке личности, связанный с общественным развитием?

Для нас ответ на этот вопрос утвердителен. Впрочем, современный реализм, как и реализм прежних времен, не может быть представлен в «чистом» виде.

Раскрытие правды, овеянной критическим отношением, нередко переплетается с содержанием, в котором в реальных обстоятельствах действуют, на первый взгляд, нереальные силы. И можно говорить о литературе фантастической, сюрреалистической, психоаналитической, эзотерической и т.д., и т.п. Главное здесь заключается в том, что автор ищет свой путь, свою форму, свой метод литературного исследования действительности.

В большинстве своем он стремится к зарисовке той жизни, которую видит, и она ему представляется, нередко, более реалистично, чем тому, кто, выступая за новый критический реализм, и только за него, понимает в нем лишь строгое следование реальному событию и описание такое, чтоб «как в жизни».

Но будет ли такое описание литературой? Художественной? Или это будут дневниковые записи событий жизни конкретного человека, не всегда, кстати, самого автора?

Убеждена: критический реализм в новых условиях остается ведущим методом, который, безусловно, отражает действительность, вскрывает недостатки жизни общества, видит теснейшую связь между обществом, условиями жизни и личностным содержанием, опирается на народную силу. Без народности невозможно. Справедливо отмечал В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года»: «...народность суть личность человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения». И еще он там же подметил: «Великий человек всегда национален, как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собой свой народ».

Опора на народность проявляется, прежде всего, в богатстве, сочности, точности родного языка, используемого авторами для выражения мысли, для описания

событий и характеристики персонажей — от героя до легко зарисованного персонажа, который, казалось бы, незначителен, а на самом деле вносит нужный колорит в изложение событий, явлений.

Народность проявляется и в том, что в круг внимания писателя включена жизнь разных слоев населения — сельские и городские жители, из столицы и из глубинки, рабочие, крестьяне, интеллигенция, простые граждане, на которых держится Россия, и высокопоставленные лица. В каждой группе людей есть свои радости-горести, бедствия-удачи. Выявить типическое, уловить единичное, вскрыть общественные нарывы, показать возможные пути развития человечества — в этом назначение современного писателя, которому не обойтись без метода критического реализма.

Не менее важен и такой вопрос: имеет ли право писатель, проявляя свою самость, создавая свой, уникальный, стиль письма, выбирать темы, которые ему кажутся наиболее значимыми и интересными, и способы раскрытия этих тем? Пренебрегать ожиданиями, потребностями и интересами читателя? Отказываться читателю в его, особом, восприятии произведения? Навязывать ему как единственно верную свою точку зрения? Быть много впереди читательского запроса?

Думается, что ответ на эти вопросы не может быть однозначным, однако задавать их себе необходимо, хотя бы для того, чтобы те, ради кого создаются произведения, не оказались вне современной отечественной литературы.

Новый критический реализм — это новый этап развития метода, который зародился в России в XVIII веке, стал определяющим в XIX веке, несколько изменился в XX веке и с новой силой, в современных условиях жизни, проявляется в современной литературе.

...Здесь и добавить нечего. Пишет профессионал: писатель и критик. За небольшими разночтениями Ирина Кедрова поддерживает основные положения проекта «Манифеста». Особенно ценны ее строки, посвященные сущности соцреализма, как неотъемлемой части, этапа развития русского критического реализма, причем его специфика созвучна имевшей быть место исторической эпохе в развитии СССР — России. Да и не только нашей страны.

Здесь надо различать идеологизированную прямолинейность соцреализма 20—30-х гг. с сохранившейся «пролеткультовской закваской» и соцреализма второй половины XX века. Если для первой характерен схематизм романов Федора Гладкова и Мариэтты Шагинян, то уже по-другому мы воспринимаем произведения второй ипостаси соцреализма. «Цемент» и «Гидроцентраль», нужные в свое время, достаточно скоро «сошли» со сцены читательского внимания, но «Журбины» Кочетова — это уже классический реалистический роман.

Конкретизирует некоторые положения «Манифеста» другой член Творческого клуба «Московский Парнас», также академик Академии российской литературы, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011-й год, постоянный автор «Приокских зорь» **Наталья Квасникова** из Москвы; член Союза писателей России.

Критический реализм, в моем понимании, предполагает руководящую роль литературы в воспитании общества. Слово действительно воздействует на личность и социум иначе, нежели другие, наглядные виды искусства, следовательно, оно имеет особые права и обязанности. Считаю, что произведение любого литературного жанра и направления должно нести смысловую нагрузку, не разрушающую и не развращающую читательскую аудиторию. Именно данный пункт я предлагаю внести в формирование содержания Манифеста. Несколько нижеследующих умозаключений послужат, надеюсь, к пояснению этой формулировки.

Современная литературная атмосфера пронизана тлетворным одурманиваю-

цим туманом легковесного и лишённого всякого смысла читива. Книжный рынок утопает в низкопробной детективщине, псевдолюбовной, а на деле развращающей бульварщине, агрессивно-бессмысленной мистике и т.п. Сегодняшняя поэзия представлена по большей части двумя категориями авторов: во-первых, теми, которые приобрели известность в нелитературной области, обладают определенной начитанностью и на этом основании считают необходимым публиковать свои сентиментальные стихи любительского уровня, поскольку наличие известного имени, а в некоторых случаях, вероятно, и денег открывает им двери в крупные издательства и магазины; во-вторых, люди, пишущие на жаргонно-идиоматическом наречии мрачные, человеконенавистнические по сути и настроению вирши, часто с натуралистическим пошлым окрасом — или откровенно бессмысленные во всех отношениях.

Вот примеры такого ультрасовременного стиля (Узлова О.):

*И словно катая тяжёлые шарики ртути,
Сливаю усталые буквы в пустые слова.
И держит кольцо, как живую деталь парашюта,
С трудом уцелевший желающий прыгнуть с ума.*

Или еще образец (автор тот же):

*Память тела. На кончиках пальцев гнездятся эмоции —
Вместе с ногтями остригла остатки прикосновений.
Небо как раз пеленало недоношенное солнце
После ежеутреннего кесарева сечения.*

Будучи очень опытным читателем с огромным стажем, возлюбившим огромное разнообразие стилей и ритмов, в том числе современных, не могу воспринимать подобной литературной отрывки на публику — именно такое впечатление на меня производят данные творения.

Замечаю одну интересную закономерность: если излить все это на обычную зрительскую массу любителей поэзии, она редко вытерпит все эти нудные анатомические сравнения дольше десяти минут слушания. Не зря множество «толстых» литературных журналов, лет двадцать пять назад являвшихся законодателями литературной моды, сейчас залеживаются на складах чуть не целыми тиражами. Распространено мнение, будто поэзия в наше время малоинтересна читателю — мой собственный опыт показывает, что это не так. По-видимому, дело в навязываемом типе стихотворчества, который преподносится, как «новое слово» в литературе, однако опыты подобного рода производились в разные периоды истории еще с догомеровских времен, большой всплеск поисковых работ на данной почве был на рубеже XIX—XX веков, но уцелели единицы, причем, заметьте, — максимально приближенные к традиционно возвышенному образу. Язык нашей поэзии должен быть современным, несомненно, но не утробным словесным испражнением, что нам навязчиво преподносят как эталон.

В отношении прозы могу сказать о тенденции детектива к вырождению в детективообразную фантастику с элементами триллера. К примеру, одна из лучших, на мой взгляд, мастериц современности в данном жанре Александра Маринина после нескольких сильных работ («Стилист» и некоторые другие) съехала в несоответствующее жанру и портящее его фантазерство на тему антенн, вызывающих агрессию, облучений, формирующих человека с определенными интеллектуальными или рабочими качествами и т.п. Об эротическом вздорно-любовном романе говорить просто неинтересно — жвачка от скуки, не в обиду будь сказано читателю, утомленному трудностями переходного периода существования.

Вывод: учитывая приведенные примеры, считаю критический реализм, неуклонно сочетаемый в современной литературе с формирующим социально приемлемую и

высокоорганизованную человеческую личность традиционализмом наиболее необходимым направлением развития.

В целом Наталья Валентиновна подчеркивает эстетическую, художественную ипостась расширенно понимаемого метода критического реализма. Особо удачны ее примеры в части поэзии. Действительно, многие современные поэты — молодые и не очень* — из кожи вон лезут, якобы создавая новые стихи, формы и поэтические тропы. Наивные! Они явно не читали поэтов-модернистов рубежа XIX—XX вв., о которых выше говорит Наталья Валентиновна. Маяковский, Шершеневич, Кусиков, Андрей Белый, молодой Асеев, Давид Бурлюк и многие другие. — Какие (и сейчас не забытые) имена, какие таланты! При всем их гипермодернизме, который и не снился нынешним корежителям рифм, ритмов и понятийных образов. Но те-то имели огромный поэтический дар. Более того, все они, футуристы, имажинисты, кубисты, дадаисты и прочие «ничивоки» не просто писали с невыразимой ныне экспрессией:

*Соломону — первому имажинисту,
Одевшему любовь Песней Песней пестро
От меня, на паровозе дней машиниста,
Верстовые столбы этих строк.*

(Вадим Шершеневич «Песня Песней»)

...Не только писали, скандировали и горлопанили, но создавали идеологии своих поэтических школ. Что стоят только теоретические работы Андрея Белого («Ритм и «Медный всадник» и др.)?

А наши футуристы в теории и в практике стихосложения на две головы опередили родоначальников этого жанра в поэзии — итальянцев во главе с их захваленным Маринетти...

Итого, как говорят скрупулезные бухгалтеры и счетоводы: критический реализм, тем более новый, понимаемый расширенно, не есть железобетонная догма, но он приветствует любые формы самовыражения (кроме нецензурных, к чему время от времени призывают нынешние модернизаторы русского языка); если они осмысленны, не оторваны от реальной жизни, а главное — не выходят за рамки тысячелетних — от античных времен — традиций.

Об этом же говорит и наш постоянный автор, писатель-прозаик и эссеист, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2010-й год **Наум Ципус** из немецкого Бремена.

Извиняясь за невозможность более активного участия в дискуссии, вызванной личными обстоятельствами, Наум Эфроимович пишет:

Теперь о дискуссии. Я за два месяца неизвестности и послегриппозного состояния тоже еще не совсем пришел в себя. А дискуссия, судя по Манифесту, должна, обязана по определению, быть серьезной. И уж во всяком случае, требует от участников солидной историко-литературоведческой подготовки. И это кроме заряженности внутренней, называемой спортсменами куражом. Ничем из перечисленного на данный момент я не обладаю. И даже, если бы позволил себе что-то сказать по столь серьезному предмету — только с эстетической точки зрения, то и этого не смогу: постоянное чувство тревоги не дает даже толком прочесть текст среднего уровня. Прошу извинить мне мою неготовность к этой редкой, но современной и нужной дискуссии. Желаю участникам плодотворно поспорить об инструментах современной и будущей русской литературы.

* Понятие молодости в поэзии весьма растяжимо. Вот к примеру кумир поэтической молодежи 60-х гг. некогда скандировал в переполненном зале Политехнического музея: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам кромешный после тридцати!» Сейчас, в канун своего 80-летия (с чем мы его поздравляем), в том же зале он читает свои новые стихи... — Прим. авт.

Еще одну ипостась нового русского критического реализма, досадно «пропущенную» в проекте «Манифеста», а именно профессионализм в своеобразной манере затрагивает наш новый автор *Камелия Санрин* из английского городка Роял Танбридж Велс («Королевские колодцы у моста через Тан» — по-русски) — ближнего пригорода Лондона. Камелия пишет:

А я вот думала-думала о чем... о профессионализме. Как человек не насыщается, обладая вещами — и как гордится своими знаниями и умениями. Я много чего умею делать руками, что сегодня не очень-то нужно кому... но здесь меня уважают, когда узнают, что я умею и шить, и вязать, и готовить — обычные для русской женщины умения, в общем-то. И мне пришло в голову, что вот такую гордость умельца я узнаю ныне в программистах и дизайнерах — новые профессии, новые навыки — но человек все тот же. И написала я длинный стих на эту тему... а вы же знаете, как поэтам не терпится свои стихи всем читать и показывать? Вот только боюсь, кто-нибудь может привязать меня к политике, а я политики (и политиков) опасюсь и не доверяю им, политикам.

Прохожему, обдумывающему житье

*Слушай! Слушай сюда, прохожий!
Продемонстрируй рабочий ум —
всею своей пролетарской рожей
отобрази многотрудность дум!*

*Вспомни, товарищ, труд Стаханова,
вспомни родной заводской гудок.
Вспомни обгон пятилетки плановой,
славу труда из газетных строк!*

*Гордость свою пролетарскую вспомни,
тысячи ждущих рабочих мест.
Звоном набат революционный:
«Кто не работает — тот не ест!»*

*Умерли фабрики. Стали заводы.
Плакаты забыли славу труду.
Думаешь, кончатся смутные годы
в две тыщи семнадцатом году?*

*Нечем гордиться в век потреблений,
вместо труда — гордись мишурой!
Гордость рабочая — на колени.
Новое время — новый герой —*

*с экранов, в журналах — лобковою вошью,
куда ни помотришь — плодится и ест.
А ты на алтарь потребления брошен —
тебе ни станков, ни рабочих мест,*

*ни строек гигантских тебе не доверено.
И впору поверить в правдивость лжи.
Ты выпал, товарищ, из нового времени,
из светлого завтра. Новая жизнь*

*к тебе обернулась оскалом раящим —
не жди, мол, уже никаких побед...
Не верь, дорогой пролетарский товарищ
мой! В криках журнальных истины нет.*

*Просто, пока ты трудился над будущим,
строил его трудовой рукой —
вошь захватила прессы орудие —
и стала вопить, что весь мир такой,*

*каким его видят сплетники вишивые:
«сношаться и жрать — значит, радостно жить»!
Им невдомек, что за всякой наживой
радость труда в основаньи лежит.*

*Вот и не надо, в печали скукожась,
вишивые ценности в горсть собирать!
Нам пролетарская совесть поможет
новое время вновь создавать.*

*Дадим основание новым ремеслам,
знаний осиливая капитал!
И на борьбу с невежеством бросим
знания, труд и бойцовский запал!*

...Политика — дело стремное. Искренности и чувств в ней 0,00... %. С поэзией она совместима лишь тогда, когда эта самая политика приобретает некие, почти романтические черты, понятно, что при этом она четко преследует свои цели... Тогда и только тогда она привлекает внимание поэтов. Это и Маяковский, восхищенный бурными событиями молодой Советской страны, или тот же Редьярд Киплинг, воспевавший, причем совершенно искренне, мощь и величие Британской империи, над которой не заходит солнце: «Запад есть Запад, Восток есть Восток // И вместе им не быть...».

Нет, мы «привязываем» стихи Камелии Санрин исключительно к теме профессионализма, которую Вы несколько иносказательно — в соотношении с темой дискуссии — так образно раскрыли в своем стихотворении, первые читатели которого — это раскрывшие настоящий номер «Приокских зорь».

Да, без профессионализма, без постоянного стремления к нему нет литературы, литературного творчества по определению. И профессионализм — это еще одна, пожалуй, наиболее существенная составляющая метода нового русского критического реализма. Здесь нам есть на кого равняться: велика русская литература XIX века и ее продолжение в лучших образцах литературы советского периода нашей истории.

...И Камелии Санрин нельзя не верить, ибо она — прирожденный провидец, то есть человек тонко анализирующий и делающий логически непротиворечивые выводы. Один пример нас убедил в этом. Еще в середине июля она писала, что в Англии, в Лондоне тож, необычная жара, а сама столица Королевства как-то в одночасье приобрела сходство с теми же итальянскими городами: чопорные британцы вдруг засуетились, покрылись средиземноморским загаром, на улицах все бурлит, водители машин орут на пешеходов, а те проклинаят всех и вся, взывая к справедливости и ликвидации классового неравенства... Так, мол, и назревают революции.

И что ж вы думаете? Прошла неделя-другая, а мы видим (эти строки пишутся в первой декаде августа м-ца) на экранах ТВ «революционные» грабежи, пожары и

битвы с полицией в Лондоне, Ливерпуле, Манчестере и пр. И как нас ни убеждают наши СМИ — уже хвалящие не советскую власть, а капиталистическую: что поделаешь, «вторая древнейшая», — что это всего лишь хулиганство подростков из бедноты, но это есть самый настоящий классовый взрыв. То, что мы совсем недавно наблюдали в странах арабского Средиземноморья.

...Однако, вернемся от этой увлекательной темы к материалам дискуссии.

Нам пишет постоянный автор «Приокских зорь», лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова за это год, **Рудольф Артамонов**:

Подходит срок реакции на Ваш Манифест, а все оттягиваю время ответа, потому что боюсь Вас огорчить тем, что хочу сказать. Мой бог в литературе — Чехов. Я боюсь всяких «направлений» в литературе и искусстве. Реализм, акмеизм, модернизм, постмодернизм и т.д. Не знаю, что такое реализм, а тем более критический. Придерживаюсь той точки зрения, что реализм вообще невозможен. Каждый из нас отображает действительность по-своему, так, как видит. Так, как видит только сам. Каждый за письменный стол создает свой, только им увиденный мир. А то, как читатель воспримет написанное, так же, как автор, или по-другому, это его, читателя, личное дело. Церковь обвиняет авторов в том, что они претендуют на роль бога, создавая иной, чем созданный Богом мир. Я православный христианин и считаю, что Господь не возбраняет познавать описанием созданный Им мир. Он как отец, который построил дом и вводит в него своего сына и хочет, чтобы он ознакомился с вверенным ему домом, походил, заглянул во все уголки и узнал и понял, что же отец ему дал.

...Решаюсь еще раз высказаться по поводу Манифеста. Не прогневайтесь, пожалуйста.

Как говорили в свое время большевики, сейчас нет «революционной ситуации». Верху себе правят, как хотят, низы терпят. Поэтому ничего удивительного, что желающих высказаться по поводу критического реализма немного. Критиковать есть за что, только чего и как надо, никто толком не знает. Потому и помалкивают.

Известно, что Горький называл Чехова реалистом. Только эта оценка еще раз утверждает меня во мнении, что у каждого свой реализм. У Горького Челкаш, Сатин, Клим Самгин, у Чехова Мисюсь, Ванька Жуков, что пишет «на деревню дедушке», дядя Ваня. Унтер Пришибеев и Хамелеон, скорее, исключение, да и критикой это назвать трудно. Это усмешка никого и ничего не осуждающего человека.

Вы, Ваш журнал «ПЗ» делаете большое дело для русской словесности. Горы рождаются на всхолмьи, среди взгорья. Их не бывает среди голой равнины. Журнал создает литературное взгорье, а дальше: «Нам не дано предугадать, Как наше слово отзовется, И нам признание дается, Как нам дается благодать». И в этом деле не должно быть «наших» и «ненаших». Вы создаете сообщество людей, любящих русский язык, русскую литературу, желающих сказать свое слово. И, слава Богу. Дай Вам Бог здоровья и силы продолжать это дело.

В словах Рудольфа Георгиевича «не знаю, что такое реализм, а тем более критический» — великолепное подтверждение той истины, что метод критического реализма суть не догма, а самодовлеющая методология. То есть писатель вовсе и не обязан, не должен знать всякие там каноны, законы, манифесты и пр., описывающие законы критического реализма, но, тем не менее, он интуитивно им следует, будучи воспитан на русской и советской классической литературе.

Так случилось и с Рудольфом Артамоновым. Премии «Левша» им. Н. С. Лескова он был удостоен за замечательную, глубоко реалистическую «Повесть о русской Сольвейг» (см. «Приокские зори» №№ 1—3/2011).

Что же касается акцента нашего автора во второй части сообщения на слове «критика», то выражаясь в терминах психологии творчества и восприятия (тем более,

что Рудольф Георгиевич сам ученый в области медицины, он нас прекрасно поймет), здесь обычное для нашего мышления сочетание эффектов сдвига мотива на цель и фрустрации. То есть человек читает или слышит о критическом реализме и мысленно разделяет это единое понятие на два автономных: критика и реализм. Но ведь критический реализм — это не сугубая критика. Это критическое отношение к реальному миру вещей, понятий, отношений. Критическое не в смысле: критиковать зло, апеллируя к добру. Вообще нет, здесь критическое отношение суть философская «бритва Оккама»: разделять добро и зло, но в то же время прекрасно понимать, что одно без другого не существует. Это почти как в утилитарной этике Дж. Мура, Бертрана Рассела и Людвиг Витгенштейна — столпов этики ведущей философии современного буржуазного общества — неопозитивизма.

Но современный, новый русский критический реализм не приемлет этики неопозитивизма. Признавая онтологическую необходимость сосуществования добра и зла, метод критического реализма, особенно в его русской интерпретации, учит не беззубо *критиковать зло*, а доступными писателю, вообще художнику, средствами *преодолевать это зло*. Такова этимология словосочетания «критический реализм». Спасибо большое Рудольфу Георгиевичу, «подкинувшему» нам тему такой стороны дискуссии.

А вот понятие реализма хорошо определила *Людмила Авдеева* из Москвы, наш постоянный автор, член Союза писателей России. В качестве внештатного корреспондента она представляет интересы «Приокских зорь» в Госдуме ФС РФ. Она пишет:

Многомерность реализма

Разработка «Манифеста новогорусского критического реализма» своевременна и необходима для поиска выхода из кризиса, поразившего современное гуманистическое сознание, для сохранения исконной духовности русской культуры. Документально оформленный творческий метод должен стать направляющим в раскрытии стилевых возможностей современной литературы, выявлении коллективной индивидуальности литературного направления, наиболее адекватного задачам словесности в условиях мировой глобализации. Причем главной задачей нового русского критического реализма, должно быть не только усиление «критичности», а утверждение подлинных духовных ценностей. Не надо забывать и о необходимости принципиально высоких требований к художественной ценности самих произведений. Литературное направление обязано сохранить лучшие традиции классической отечественной словесности, основные принципы объективного художественного отражения действительности, то есть «достоверное отображение типичных характеров в типичных обстоятельствах». Понятие «реализм» не надо ограничивать социально-бытовым, а необходимо включить в него всю многомерность, объемность жизни и при этом, неплохо бы новому критическому реализму взять лучшее и в романтизме, а именно интерес к внутреннему миру человека как личности и некий идеализм, эмоциональность, без которых произведения литературы сухи и схематичны. Тем более и в романтизме прошлого была критическая струя в отношении буржуазной цивилизации. Произведения нового критического реализма должны нести идеалы справедливости, добра, свободы, любви... Читатель ждет от литературы не столько «сна золотого», сколько поддержки, указания пути для выхода из социально-общественного и нравственно-этического тупика. Литература во все времена была государственным делом. Писатель обязан быть гражданином, общественно ориентированной личностью. В «Манифесте» очень точно отражена оппозиционность писателя к властным структурам с учетом смены объектов критики и, безусловно, «Манифест» объединит людей, для которых Слово Правды — основное оружие возрождения духовно-нравственных основ русского общества и сохранения величия русской литературы на мировой культурной арене.

...Сказанное Людмилой Евгеньевной существенно дополняет и разъясняет значение — понятийное и терминологическое — словосочетания «критический реализм».

Наш постоянный автор из Тольятти, инженер по образованию и работающий по специальности, **Сергей Лебедев** видит в обновленном критическом реализме мощное оружие в борьбе-противостоянии бездуховности, поглотившей нынешнюю Россию. В частности, он пишет:

Прочитав проект Манифеста, главное, что я понял — основная мысль Манифеста — сохранить лучшие духовные традиции нашего Отечества. И в первую очередь, русской литературы. А значит сохранить базовый фундамент русской культуры, который развивался в условиях существования многонационального государства. Задачи Манифеста отстоять русскую цивилизацию, которая была заложена русской литературой не только в 19—20 веках, но еще со времен принятия православия на Руси. Этого истока русской духовной культуры.

И сейчас, когда за двадцать лет существования русской компрадорской буржуазии, разрушены многие духовные ценности, памятники культуры, на поверхность всплыли прогнившие принципы нового русского капитализма.

Как никогда, здравомыслящим людям становится понятным, что материальное благополучие, которое пропагандируется насильно, не может быть мерилом счастливой жизни людей. Это путь в бездуховность, а значит в общество людей-истуканов.

Всеми способами идет осознанная пропаганда под контролем русских капиталистов вседозволенности, бездуховности. Ставится, невидимый пока, запрет на образование. Но наступит день, когда образование будет получать только кучка детей магнатов. Уже сейчас воспитано поколение бездуховной, маргинальной молодежи. Они порой не могут назвать имен русских поэтов и писателей, а значит, в 18—20 лет никогда не читали книг Гоголя, Достоевского, Толстого. Нельзя допустить нравственной гибели нашего Отечества. К этому и призывает Манифест.

Приведем пространную выдержку из отзыва **Якова Шафрана** (г. Тула), сопредседателя Тульского литературного объединения православных писателей «Ковчег»:

Процессы, происходящие в мире, влекущие за собой и все более усиливающие бездуховность, безнравственность, отсутствие сострадания и милосердия, нелюбовь, частнособственнические инстинкты, стяжательство, накопительство, потребительский дух, обездушенность, механистичность, приоритет силы, практику двойных стандартов, презумцию виновности и другие, ведут к деградации человечества, к превращению его во что-то противоположное. Этому нужно противостоять. Многого в этом плане может сделать литература и ее действенный механизм — критический реализм. Созданная на его основе великая русская и советская литература всегда помогала людям действительно противостоять и произволу властимущих, и всем негативным, антисоциальным общественным явлениям, и недостаткам государственного устройства, и недостаткам идеологическим.

Совершенно верно сказано, что сейчас мы живем в переходный период. Предыдущий период истории заканчивается, а вместе с ним постепенно уходят и старые методы работы во всех сферах жизнедеятельности. Исчерпал себя и классический критический реализм.

Но позволю себе не согласиться с автором проекта, когда говорится о полной тупиковости предыдущих экспериментов, а также о жестком и даже жестоком процессе глобализации, как о единственном и predetermined механизме «одновременности перехода всего земного сообщества к единому, социально ориентированному, мировому государственному образованию».

Библия говорит о том, что «Бог творит все новое». Да, это так. Но Библия говорит и то, что Бог ничего не делает без человека. Поэтому от того, какой человек

будет делать, каково его сегодняшнее состояние, и зависит, что он сделает в итоге, каким будет наше завтрашнее устройство. В этом плане и предыдущие эксперименты могли идти несколько иными путями. Тем не менее, их неоценимый опыт может пригодиться для будущего строительства. Что касается возможного объединения человечества, то и здесь также есть варианты — будет ли проходить глобализация и далее под управлением «трех толстяков» (что мы наблюдаем в действительности), или она будет проходить под управлением духовно-, нравственно- и социальноориентированной ответственной общественности всех стран, независимо от их экономического уровня развития (здесь также возможны варианты в зависимости от степени наличия или отсутствия перечисленных параметров такой общественности в тех или иных странах). И, безусловно, Россия будет участвовать в этом процессе как страна с великим, неразрывным и разумным прошлым, а не с фрагментарной, бессвязной и нелепой историей, какую нам пытаются навязать.

Очень верна мысль автора проекта, являющаяся программной, являющаяся, собственно, Манифестом — «Поскольку в эпоху глобализации отсутствует, по определению, «сравнительная база» национальных литератур, то объектом критики, в том числе конструктивной, становится не геополитика, социальные и экологические коллизии, но во главу угла ставится объект расчеловеченья человека ноосферного (нотто *noospheres*). Сама методология нового критического реализма в указанном аспекте зиждется на сохранении в реальном временном процессе формирования человека ноосферного средствами литературы — художественной и публицистической — тех черт человека личного, общественного и творческого, которые противостоят расчеловеченью, то есть превращению человека в нивелированный винтик глобального механизма ноосферы Земли». Здесь бы еще добавить — и способствуют лучшему устройению цивилизации.

Ради этой великой цели, ради того, чтобы наши дети и внуки жили в человеческом мире, под Манифестом нового критического реализма подпишутся все сознательные литераторы и люди, неравнодушные к литературе.

Но если сценарий глобализации и тип будущей цивилизации предрешены, и расчеловеченье неотвратимо, а задача литературы и творчества состоит только в том, чтобы максимально длительно противостоять, то это мало кого вдохновит.

...Что ж, единственный туляк, принявший участие в дискуссии, оправдал пословицу: мал золотник да дорог. В том смысле, что Яков Наумович четко почувствовал по содержанию «Манифеста» — чем же коренным отличается традиционный критический реализм от его новой ипостаси? А отличие в том, что все мы живем сейчас в эпоху глобализации. Соответственно, смещаются и акценты творческого самовыражения, литературы в первую очередь.

Отрадно, что в дискуссии приняли участие не только отдельные ученые, писатели, литераторы, но и литературные общества. Ниже приведем коллективный отклик сразу двух **литературных объединений из Москвы: «Вдохновение» и «Орфей».**

Сохранить все лучшее

Обсуждение «Манифеста нового русского критического реализма» прошло в литературных московских студиях «Вдохновение» и «Орфей», а так же в студии «Русич» (подмосковный город Пушкино), в котором приняли участие поэты и прозаики. «Манифест», как четко изложенная декларация современного творческого литературного метода, был встречен с интересом. Отмечалось, что классический критический реализм, как в европейской, так и в русской литературе, на протяжении веков был действенным и основным творческим методом, благодаря которому созданы произведения мирового значения. К сожалению, сегодня мы стали свидетелями разрушения отечественной культуры, и в частности русской литературы. Классические формы критического реализма практически исчерпаны. Появились

литературные течения, группы и объединения модернистского толка, не имеющие четкой творческой платформы, методологических программных документов, теоретических обоснований. Только истинная русская литература хранит еще дух народа, дух независимости, стремления к идеалу. «Манифест» призван очистить кладовые российской литературы от течений и групп, противостоящих исконной духовности русской культуры. В период глобализации цель литературы противостоять разрушительным процессам, для чего необходимо единение всех творческих сил на базе программного документа, каковым и может стать «Манифест нового русского критического реализма». Но сохранение преемственности традиций для перспективного развития отечественной литературы необходимо. Нельзя сбрасывать «с корабля современности» завоевания русской литературы, которые принесли ей мировую славу. Новый критический русский реализм должен взять все лучшее, проверенное из великой русской классической и советской литературы. Могла бы обогатить палитру современной поэзии и прозы и аура романтизма (достаточно вспомнить лучшие образцы романтизма, например, «Алые паруса» Грина или «Кавказского пленника» А. Пушкина). Как правильно отмечено в «Манифесте», время меняет идеалы и не надо доводить их до абсурда, но основные морально-этические нормы жизни продолжают жить в человеке, не отказавшемся от идеалов справедливости, борьбы со стяжательством, цинизмом, за лучший мудрый мир. Полное согласие вызвали положения «Манифеста» о гражданской позиции писателя и необходимости средствами литературы подвергать критике негативные явления в общественной жизни, чему и способствует творческий метод нового русского критического реализма. Среди высказанных замечаний — совет при доработке документа помнить, что он станет достоянием не только интеллектуалов, но и читателей, среди которых люди, не всегда знакомые с научной терминологией. Сложность речевых оборотов, научных терминов может затруднить восприятие текста в целом. А основы новой творческой методологии, ее теоретическую базу необходимо донести не только до пишущих, но и до широкого читателя. Но в целом «Манифест» актуален, необходим, своевременен и открывает реальные перспективы для переосмысления современного состояния российской литературы в эпоху надвигающейся глобализации.

В качестве послесловия к выказанному:

Модернистам

*Не пытайтесь, словно ластиком,
Все стирать, что в жизни было.
Не расправиться вам с классиком.
Он силен и за могилой.
Рассыпаются все изыски,
Словно домики песочные.
Ваши строчки только призраки,
Только слабые подстрочники.
Называйтесь хоть течением,
Направлением, модерном...
Вы плывете по течению
Щепкой брошенной, тленной.
Сколько было всяких измов,
Тех, что гениев душили.
Но с рассветом тает призрак.
Набирает Правда силы.*

Рядом с Правдой — реалисты.

Сквозь века — перо, бумаги...

Помнить будут даже сфинксы

Строки веры и отваги.

(Л. Е. Авдеева)

Завершим подборку материалов дискуссии по-американски обстоятельным, систематизированным материалом нашего постоянного автора *Сергея Горы* из города Линкольна (шт. Калифорния, США), филолога-лингвиста, получившего ученую степень в Ленинградском университете, нострифицированную, то есть подтвержденную, в США. Сергей Александрович известен и как поэт, и как один из первых постсоветских менеджеров транснациональных корпораций и ведущих телевизионных шоу.

Мы не будем особо комментировать пространный и логически выверенный отзыв Сергея Горы на «Манифест» (ссылки автора на страницы и абзацы «Манифеста» — по его тексту в «ПЗ» № 1, 2011), ибо сам Сергей Александрович комментирует свои исходные послышки. А комментировать комментарии — это, на наш взгляд, есть некое «архитектурное излишество». Словом, перед вами, уважаемый читатель, отзыв поэта, ученого-филолога, эрудированного человека, настоящего современного русского американца.

Единственное наше *nota bene* — в отношении фразы Сергея Горы, что «высококультурные американцы... ничего не слышали о В. И. Вернадском и его теориях». Имеется в виду теория ноосферы* и ее современное развитие — см. 9-томную монографию.**

Что здесь сказать, чтобы и *status quo* сохранить, и высококультурных граждан США не обидеть? Поэтому не будем апеллировать к мнению последних. Заметим только, что одно из величайших предвидений XX века — концепция нашего выдающегося ученого Владимира Ивановича Вернадского о переходе биосферы Земли в ноосферу, то есть «сферу разума», на рубеже XX и XXI вв. начала с поразительной скоростью сбываться. О Вернадском и его теории (теперь уже практике) ноосферы знает каждый образованный человек России, Европы и так далее.

Вместе с тем, чтобы при чтении «Манифеста» читатель не акцентировал свое внимание на термине «Ноосфера», мы полагаем нужным в окончательном варианте этого документа воспользоваться его более привычным синонимом...

Однако — слово Сергею Александровичу:

Примите в приложении пять моих предложений по Манифесту, которые строятся по следующему принципу:

номер ремарки (предложения) →

«философствование»-обоснование →

конкретные примеры, где желтым обведены строчки, рекомендуемые к обработке.

Главное примечание по Манифесту: Не стоит ограничивать (сужать) метод нового критического реализма ссылками на конкретных лиц, явления и теории. Любой «Манифест» — это призыв-контур теории, а отнюдь не ее детали. Это грубый штрих, если хотите, — не Ван Дейк и Рембрандт, а Модильяни и карандашный Матисс. Это грубый стих Маяковского, а не финтифлюшки сентименталистов...

* Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / Предисл. Р. К. Баландина. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 576 с. (Библиотека истории и культуры).

** Яшин А. А. Информационная виртуальная реальность (Тула, 2003); Яшин А. А. Живая материя: В 3-х тт. (Москва, Изд-во ЛКИ/URSS, 2007, 2-ое издание в 2010); Яшин А. А. Предтеча ноосферы: В 2-х тт. (Москва, Изд-во ЛКИ/URSS, 2010); Яшин А. А. Развертывание ноосферы: В 2-х тт. (Москва — Тверь, Изд-во «Триада», 2011); Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Заключительные главы и прогностика (Москва — Тверь, Изд-во «Триада», 2011).

Вспомните, например, что Маркс в 1848 году в своем манифесте не уточнял, откуда именно и какие именно польются блага при коммунизме, и каковым именно будет соответствующий поток...

Хочу особо отметить, что мои примечания не всегда соответствуют моему собственному мировоззрению — просто, я хочу представить себе реакцию Ваших потенциальных писателей, читателей, попечителей и меценатов, которые однажды прочтут Манифест как документ, объединяющий ряд издательств, журналов и т.д., чтобы решить, вносить свои таланты, силы и средства в данное предприятие или нет.

Например, представьте, что «завтра» появится (и объявится) великий критический реалист, которого мы условно назовем «Иван Петров», подразумевая при этом, что он может быть родом из Тулы, из Москвы, из Австралии и т.д.

И вот этот самый «Иван Петров» узнает, что «Приокские Зори» следуют методу «нового критического реализма», который подразумевает:

- (1) Ссылку на авторитет Карла Маркса;
- (2) Следование В. Вернадскому и его теории о ноосфере;
- (3) Духовную опору в византийском православии; и, наконец
- (4) Равнение на СССР.

И «Иван Петров» вдруг начнет рассуждать следующим образом:

(1) Маркса я не люблю. Уж больно бородат! К тому же его теория оказалась пишиком на 1/3 земного шара! В Гвинее и то при социализме кончились бананы...

(2) Что такое ноосфера — я просто не в курсе (кстати, все мною опрошенные высококультурные американцы [знающие по 3—4 иностранных языка в совершенстве] ничего не слышали о В. Вернадском и его теориях);

(3) Я недавно читал книги о Византии: какой там был кошмар; они ведь выкалывали друг другу глаза; жены императоров были просто проститутками; патриархи были в основном подхалимами и лизоблюдами;

(4) СССР вдруг развалили... Чего же это люди не поспешили заступиться за столь социально ориентированное государство? За Ливию, вон, и то заступаются.

...И «Иван Петров» делает вывод: Критический реализм — не мой метод, а «Приокские Зори» — не мой журнал!

Хотите Вы этого, Алексей Афанасьевич? Наверяд ли!

В то же время отсутствие конкретных ссылок вовсе не означает «ограничение критического реализма» для тех, кто верит в Маркса, следует за Вернадским и питается исключительно византийским православием. Просто, дверь рекомендуется держать открытой пошире, чтобы талантливые желающие могли в нее войти, невзирая на свои философско-политические привязанности.

Комментарии прилагаются.

С уважением, Сергей Гора

Выражая искреннее уважение авторам манифеста, сразу же подчеркну, что мои примечания ни в коей мере не должны рассматриваться как настойчивые, и, как говорится, только Вам, основателям и вдохновителям журнала, судить, что следует учесть, а без чего вполне можно обойтись.

Позвольте, однако (как говорят чукчи в анекдотах), сделать несколько комментариев.

1. Разложив перед собой энциклопедические толкования критического реализма, я бы хотел подчеркнуть двойную природу основополагающего понятия: реализм состоит из двух противоположных начал (как Вы справедливо заметили со ссылкой на Гегеля), где борются демонические и божественные силы с целью уничтожить (т.е. «расчеловечить») или усовершенствовать человека. В этой связи задачей критического реализма может являться борьба с теми явлениями, которые уничтожают

человеческую природу, равно как и восхваление (в качестве сравнительного фона) тех полезных качеств и привычек, которые ведут к укреплению духовности, в частности, и личности, в целом. Рассуждая на данную тему, хочу подчеркнуть, что духовные качества человека всегда оставались незыблемыми на протяжении всех известных нам веков и цивилизаций: страх, любовь, совесть, чувство долга, желание отомстить, похоть, и т.д. являлись одним и тем же ощущением на протяжении тысячелетий, невзирая на материальный прогресс. Человек убежал от мамонта так же стремительно, как от танка или от взрывной волны атомной бомбы, причем с той же скоростью, т.е. максимально возможной, забывая при этом начисто о своей культурно-национальной идентичности. Поэтому с этой точки зрения российская литература критического реализма не может не отражать той общецивилизационной всевременной и общекультурной (если хотите) гуманистической преемственности, которая, грубо говоря, передавалась по исторической эстафете от Гомера Аристофану, потом Шекспиру, Пушкину и далее Тагору, Горькому и прочим современным Хемингуэям с Прилепиными и Улицкими. В то же время я готов полностью с Вами согласиться относительно прибавления слова «новый» к словосочетанию «критический реализм». Дело в том, что, во-первых, термин критический реализм настолько был укоренен в советской литературоведческой пропаганде, что волевым решением просится соответствующее определение со словом «новый»; во-вторых, учитывая такое толкование понятия **новый критический реализм**, предлагаю внести следующие коррективы в текст манифеста:

1.1 (третий ромбик, 17-я - 21-я строчки сверху на стр 7.)

Онтологическая сущность метода критического реализма заключается в социобиологическому обусловленному устремлению человека разумного ... к социально-ориентированному обществу, **потенциально способствующему усовершенствованию его личности (как совокупности духовных и физических качеств): от семьи до государства...**

1.2. Полностью убрать тезисы, следующие под четвертым и пятым «ромбиками» (Данное устремление... и Из всех видов...) 22-я - 28-я и 29-я- 33-я строчки сверху на стр. 7.

Примечание: Это очень хорошие фразы сами по себе, но какое отношение все это имеет именно к критическому реализму, а не, скажем, к экзистенциализму или научной фантастике?

1.3. (Скорее вопрос, а не комментарий) За следующим ромбиком, Вы пишете: **...русской литературе [а не российской литературе]** (14-я строчка снизу на стр. 7), а далее следует ссылка на Византийское православие (8-я строчка снизу на стр. 7). Тогда позвольте: С чем соотносить специфику Украинской, Белорусской, Грузинской, Армянской и Восточно-Молдавской литератур, которые тоже исповедовали Византийское православие и были при этом частями Российской империи, а позже — СССР? Речь здесь, прежде всего, о том, что само понятие «специфика» подразумевает уникальность принадлежности того или иного явления, иными словами, если это присуще только России, то этого нет и не может быть у Украины, Грузии, и т.д. Например, в чем специфика тигриной шкуры? Говоря о ее полосах, мы ведь подсознательно предполагаем уникальность тигриного окраса, не похожего на шкуру других кошачьих (львов, пантер и т.д.)

2. Продолжая комментировать данный пункт, замечу, что если у Вас хватит терпения дочитать мои философствования до конца, то Вы увидите, каким именно я вижу «ромбик» **о специфике русского критического реализма** (10-я - 3-я строчки снизу на стр. 7). А философствования эти, как и упомянутый окончательный вывод к ним, связаны со следующими четырьмя понятиями: (1) Византийское православие, (2) Идолопоклонство (3) Общинность, и (4) Социальная ориентация СССР. Итак, по

порядку. Уникальность и, если хотите, специфика России (а не Бельгии и Франции, скажем) заключается как раз в том, что христианство здесь не только не вытравило идолопоклонства, а, наоборот, сосуществовало с таковым параллельно, явно уступая последнему в сердцах людей. В этой связи позвольте порекомендовать Вам обратиться к ведущим фольклористам России (например к д-ру Михаилу Алексеевскому), которые расскажут Вам, сколько неприкрытого язычества присутствует до сих пор в нашей повседневной жизни; от рассадки членов семьи на кухне до троекратно сплевывания при виде черной кошки. А разве в той же русской литературе не упоминались лешие и кикиморы, и разве наши классики не писали о домовых, заговорах болезней и т.п. Вспомним Пушкина, который (аж в XIX-м веке!!! т.е. почти через 10 веков после принятия православия) писал: «Татьяна верила преданьям простонародной старины... таинственно ей все предметы провозглашали что-нибудь, предчувствия теснили грудь...» Что сделали россияне (как говаривал царь Борис) в 22-м? Вместо «идола-Богородицы» в красном углу повесили портрет Ленина и назвали красный угол красным уголком. Общинность — это, если пристально взглянуть, и есть лучшая почва для идолопоклонства. Ведь кто такой идол? Это незаслуженно обожествленное лицо или явление, возвышающееся над определенным обществом людей и, якобы, покровительствующее ему. Итак, если Вы — член общины, значит Вы вынуждены быть ее частью (из-за климата, суровых условий, целей коллективной обороны), и это значит, что Вы равный среди тех, над кем есть идола-начальник (староста, смотрящий, воевода, целовальник, атаман, барин, помещик, комиссар, вор в законе и т.п.), которого Вы обязаны превозносить и постоянно беспрекословно слушаться, иначе не выживите. С подобным общинно-идолопоклонческим устройством и боролся русский классический критический реализм. Переходя напоследок к собственно Византийскому православию (с его явно неправославными арианством, несторианством, монофизитством, монофилитством и иконоборчеством), оставляю в стороне ряд напрашивающихся негативных ссылок на беспримерную жестокость византийцев (изобретение многих орудий пыток), распушенность нравов (взять хотя бы Евдокию, которая трижды изгоняла патриарха Иоанна Златоуста), повальный алкоголизм и интриганство, а приведу лишь один пример: когда Мехмет II захватил Константинополь в 1453 году, он собрал местных олигархов и спросил: господа, что же вы на ваши несметные сокровища не наняли наемников, чтобы преградить мне путь в Ваш город? — А мы берегли все наши деньги для тебя — ответили «православные» олигархи. Тогда Мехмет II приказал всем им отрубить головы... Уверен, что вышеприведенный пример «византийского православия», мягко говоря, несродни ни русскому классическому ни новому критическому реализму (как-то не вяжется вышесказанное ни с творчеством Ф. Достоевского, ни с «Поднятой целиной» М. Шолохова). И последнее: категорически не соглашусь с мнением о социальной ориентации СССР. И дело здесь не столько в ГУЛАГЕ и Сталине, сколько в объективных статистических данных, однозначно свидетельствующих о деградации и вымирании общества (т.е. социума). Одним словом, идеологическая декларация отнюдь не трансформировалась в реальность.

Заключая вышесказанное, следует признать, что новый критический реализм как раз и призван бороться, с одной стороны, со стадным инстинктом, идолопоклонством, и с другой стороны, с византийской чванливостью, псевдотеологической демагогией, интриганством, коварством и жестокостью, которые в разное время были привнесены в русскую жизнь и явно до сих пор прямо или косвенно способствуют деградации русской личности. Возвращаясь к специфике русского критического реализма предлагаю следующий «ромбик» (10-я - 3-я строчки снизу на стр. 7):

2.1. Спецификой русской [...] оставляем все как есть...] отечественной литературы, традицией [убираем слово: общинной] мироустройства русской жизни, являет-

ся выявление, описание и обличение **общественных и личных пороков, включая неприятие стяжательства и накопительства, а также любого частнособственничества, направленного исключительно на личное обогащение и карьеризм, примат коллективизма, вера народа в верховную власть при ярко выражаемом недоверии к низшим и средним звеньям власти исполнительной.**

Примечание: предлагаю также **убрать** ссылки на (1) «**грамоту царя-батюшки и... бояр**» (Во многих произведениях русского классического критического реализма этого мотива просто нет). (2) «**абсолютное неприятие частнособственничества**» (любой иностранный дока-литературовед скажет Вам, что ни в классической, ни в современной русской литературе нет прямого неприятия самого института частной собственности. Другое дело, что критикуются пороки определенных частных собственников, но отнюдь не сама экономическая категория. Кстати почти все представители классического критического реализма России XIX — начала XX веков были ярко выраженными частными собственниками, чем отнюдь не гнушались. (3) Сейчас, а также в различные периоды прошлого (хотя и не во все), высшие звенья исполнительной и законодательной власти представляли собой по сути одно и то же. Поэтому и внесено соответствующее указание на **низшие и средние звенья исполнительной власти**, а не на всю исполнительную власть вообще.

2.2. Третий «ромбик» на стр. 8 (26-я — 33-я строчки сверху на стр. 8)

Предлагаю убрать: «..., учитывая социальную ориентированность СССР» по причине, указанной выше.

3. Невзирая на достаточно часто встречающуюся в российских СМИ полемику относительно терминов разрушение, развал и распад (СССР), хочу отметить неразрывное семантическое сходство этих понятий. Ведь, распасться может только то, что (1) разрушали (неважно изнутри или снаружи) или (2) само по себе разрушалось. То есть процесс разрушения — это физическая причина распада, а распад — это, в любом случае, результат процесса разрушения в той или иной его форме. Короче, «что в лоб, что по лбу» — эффект одинаковый. Если в Манифесте будет употреблено только одно (любое!) из этих слов, то документ будет выглядеть гладже, без явно оцутимого заочного спора с кем-то тайно несогласным с предлагаемыми доводами. Предлагаю:

3.1. Третий «ромбик» сверху (18-я - 21-я строчки сверху на стр. 9)

...с момента разрушения [или распада — все равно] в русской... метододов. [точка!]

Примечание: Предлагаю убрать строчки относительно неконструктивного критического реализма. Согласитесь, что это звучит слишком оценочно и эмоционально. К тому же литературоведческое определение критического реализма (а значит и нового критического реализма) не подразумевает какой-либо особенной (точно измеряемой) степени конструктивности.

4. Не вдаваясь в политическую, а тем более в научно-теоретическую полемику относительно прозорливости Карла Маркса и Владимира Вернадского, отмечу только то, что широко известно даже неучам: мозг самого талантливого человека развит максимум на 10—12 % своего потенциала. Поэтому не стоит слишком доверять глобальным прогнозам философов и ученых (не сочтите за обиду, Алексей Афанасьевич). Ведь смотрите, что всегда и всюду происходило: теория признаваемая конечной и единственно верной вдруг в одночасье становилась изжитой и ненужной. Великой, например, считалась теория эволюции Дарвина... до открытия ДНК Уотсоном, а открытие последнего вдруг поблекло после обнаружения волнового генома. А разве примеры открытий Исаака Ньютона и Карла Линнея не свидетельствуют в пользу того же? Сотни ученых и философов XIX—XX-го веков считали, что вселенная неизменна, а Хаббл вдруг доказал, что она расширяется. (Кстати,

А. Эйнштейн потом говорил, что он тоже так же думал, но боялся объявить, ибо все вокруг были материалистами.) Ученые и философы имеют дело, как правило, с материальным, которое постоянно изменяется в сознании под напором новых открытий и более окрепших мозгов. В то же время искусство и литература отражают вечное и неизменное — сиречь духовный мир — и потому, по определению, не могут обуславливаться какими бы то ни было научно-философскими теориями, политическими приоритетами и/или симпатиями, и прочими конкретными материальными явлениями, ощущаемыми в определенный период времени. Поэтому:

4.1. **Пятый (Исчерпанность на рубеже... 25-я - 31-я строчки на стр. 9) и шестой (На нынешнем, активно... 32-я - 37-я строчки снизу на стр. 9) «ромбики» предлагаю убрать.**

5. Любое явление, обозначаемое термином, оканчивающимся на «изм» и «ция» требует дополнительного уточнения (например, в СССР для членов Политбюро был полный и настоящий коммунизм, где все мыслимые и немыслимые блага лились полным потоком, а простой народ жил при самом настоящем рабовладельческом строе, где любого человека можно было заставить трудиться бесплатно, психологически сломать и, наконец, попросту убить (ссылки на описание ГУЛАГа у Солженицына, Шаламова, Аксенова, и т.д.). При этом взаимоотношения федеральных и региональных властей были чисто феодальными, а теневая экономика являла собой яркий пример дикого капитализма. Поверьте, я это знаю не только по книгам...

Аналогичная логика применима и к термину «глобализация». Говоря проще, имеет место быть как «глобализация добрых начал» так и «разрушительная глобализация». Тут дела обстоят так же как с Интернетом: хочешь отождествляй его с порнографией, хочешь — с доступом ко всем новостям, а хочешь — с вебсайтами про святых мучеников и той же высокой литературой. В силу вышесказанного, задачей современного российского критического реализма должна являться не борьба против глобализации вообще (т.е. как таковой) или же потакание ей как одному целому, а критика разрушительных явлений глобализации при отстаивании ее добрых начал. Ну, кому, скажите на милость, будет претить глобализация немецкой аккуратности, японского патриотизма, славянского гостеприимства или английского дружелюбия; и кто дерзнет защитить глобализацию пол-потовской жестокости, африканской распущенности и всепроникающей пост-советской коррупции?

Добавляя к сему пожелание отказаться от излишней категоричности, предлагаю:

5.1. **(13-я строчка снизу, на стр. 9 журнала): ... критического реализма являются те разрушительные процессы глобализации, которые наносят ущерб национальной специфике отдельных культур.**

5.2. **(10-я строчка снизу на стр. 9 журнала):** Поскольку в эпоху глобализации **может отсутствовать «сравнительная база» национальных литератур...**

5.3. **(4-я — 5-я строчка снизу на стр. 9 журнала): ...сохранении тех черт человека... (пропуская несколько слов).**

Примечание: предлагаю **убрать** ссылки на (1) «**ноосферного человека**» (Мол, кто это, извините за невежество? К тому же, кто может с уверенностью предвосхитить сколь-нибудь существенные изменения в духовном мире ноосферного человека будущего?); (2) «**реальный временной процесс**» (любой жизненный процесс происходит в реальном времени); и (3) «**литературу и публицистику**» (Понятно, что речь идет не о сельском хозяйстве или космонавтике).

Итак, уважаемый читатель «Приокских зорь», пришло время подвести итоги дискуссии. Но прежде всего извинимся перед теми многочисленными авторами полученных нами откликов, тексты которых не вошли в приведенную выше подборку.

Мы им глубоко признательны, но... объем настоящей рубрики журнала ограничен, а мы старались отобрать для опубликования наиболее характерные, порой и полярные, мнения. Другой момент: многие отклики, что называется, «синхронны в мыслях». Это, кстати говоря, есть и свидетельство важности и верности основных положений проекта «Манифеста».

Наконец, в первых двух номерах «Приокских зорь» за следующий год мы планируем — по мере поступления в редакцию — продолжение печатания отдельных, наиболее содержательных материалов-откликов на «Манифест».

А итоги дискуссии достаточно оптимистичны. Главное, современные русские писатели и литераторы, их читатели понимают: без четко выверенной методологии дальнейший литературный процесс уподобится блужданию во тьме. «Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет жизни древо», — это из «Фауста» Гёте. Вернее и образнее не скажешь.

Разумеется, это вовсе не означает, что литератор сочиняет свои романы, поэмы и драмы, поминутно справляясь с неким методологическим пособием. Просто, становясь и развиваясь как художник слова — а процесс этот длительный, иной раз длинной в жизнь, — писатель впитывает эту методологию почти что произвольно: из чтения, из бесед с коллегами, просто из услышанного и увиденного. Знание реальной жизни людей — вот лучшая методология!

Другой существеннейший результат дискуссии: большинство современных писателей, прежде всего из России, согласны с тем, что основное — исторически и ныне действительно — направление русской литературы было, есть и будет критический реализм. Об этимологии этого понятия и незаикливания на слове «критика» мы уже писали выше в наших комментариях. Самое главное — это то, что данный творческий метод ни в коем случае не должен, а по определению и не может, быть привязан к каким-либо жанрам. Под его расширенную методологию в равной мере попадают социальный и политический роман, любовная лирика и сентиментальное повествование, автобиографическое произведение и литературно-исторический труд. Даже фантастика (но не пресловутая «компьютерная фэнтези»), популярная ныне «альтернативная история» (то есть: что бы было, если бы...), даже умная и прочувствованная поэзия, в своих тропах отличающаяся от привычных «ямбов и хореев»... — все это предметы и объекты действенности критического реализма.

Собственно говоря, критическому реализму в литературе можно противопоставить только творчество адептов сугубой виртуальной реальности, болезненную эротику и порнографию или других клинических проявлений, а также столь многочисленную словесную бессмыслицу, именующую себя литературой, заполонившую в последние десять лет Интернет и многие его сетевые журналы. — Это не литература, а переписка по компьютеру двух соседей, разделенных межквартирной стеной, но не узнающих друг друга при случайной встрече на улице...

Наконец, почему в названии «Манифеста» мы акцентируем слова «русская литература»? — Потому, что русская литература — это мировой феномен, длящийся уже третье столетие. Да, имели место достаточно длительные феномены английской и французской литературы XIX — начала XX вв. На рубеже этих же веков яркой кометой явился изумленной Европе феномен норвежской литературы — от Бьернеторне Бьернсона до Кнута Гамсуна. Феномен латиноамериканской литературы 50—70-х гг. прошлого века... Вспомним и литературу США времен Ирвина Стоуна, Уильяма Фолкнера и многих других. Но разве все это сравнится с феноменом великой русской литературы?

Мы не квасные, шапкозакидательские «патриоты», но что есть, то и есть. Поэтому это и есть «Манифест нового русского критического реализма».

...Оргкомитет дискуссии планирует, учитывая *все* поступившие (и вновь поступающие) отклики, мнения и предложения, к середине следующего года подготовить окончательный, рабочий вариант текста «Манифеста» и представить его руководству Академии российской литературы, Союза писателей России и другим общественным литературным организациям с рекомендацией принятия «Манифеста» в качестве программного документа.

*Составление и комментарии
Алексея Третьякова, г. Тула*

Наталья Квасникова
(г. Москва)

**ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ,
ВЕДУЩЕЙ ВВЕРХ**

«Так лучше..., ...так больней...»

Игорь Северянин

Ежедневно каждый преподаватель общается с теми, кого ему положено учить и воспитывать. Однако мы начинаем не с нуля. Ученики, приходя к нам, имеют сложный, часто негативный опыт жизни, и это не новость. Их души изломаны, вывернуты наизнанку безудержной разногласицей информационного потока. С глубокой древности было принято беречь не только физическое, но и духовное здоровье детей. Вспомните-ка,— получалось не так уж плохо. Человеку нужно постепенное созревание; желудок заболевает, если мы едим незрелые сливы и яблоки,— а что же ребенок? Не успел он родиться, как его маленькая душа погружается в беспросветную нравственную грязь, которая начинается с ежедневного сквернословия родителей — идут с коляской, даже улыбаются, речь при этом — уши береги. Не папа с мамой, так прохожие поражают откровенным и уже привычным(!) языковым цинизмом.

Дитя,— вы только вдумайтесь в это святое слово,— с самых нежных лет, подойдя к киоску взглянуть на яркую игрушку за стеклом, неизбежно увидит обложку глянцевого журнала с тетей или дядей в непристойной позе. Едва научившись читать, разбирает по складам бесстыдную афишу стриптиз-клуба среди бела дня на улице родного города. Посреди фильма-сказки по телевизору его настигает реклама, к примеру, обычного майонеза, но с натуралистической двусмысленностью, способной испортить аппетит нормального человека. Не стоит возмущенно выкрикивать, что они, мол, еще ничего не понимают. Вы видели, какой неприятно-знающей улыбкой при этом искажается детское лицо? За что мы до такой степени вдруг возненавидели собственных детей? Наша задача — передать им умение любить, то есть — быть не просто сытыми и благополучными, но и счастливыми, умеющими радоваться жизни. Мы продолжаем делать все, чтобы уничтожить в них эту способность.

Ответьте — не мне, а себе, может ли самозабвенно любить юноша, сызмальства привыкший определять любую девочку, девушку, даже незнакомую, просто идущую мимо,— как «телку»? Способна ли девушка, которая воспринимает, как норму, циничные, гнусные слова, произносимые парнем в ее присутствии, и сама говорит их, не смущаясь, разобраться в своих чувствах? Один из самых уродливых симптомов нашего времени — идут подростки с трогательными полудетскими лицами, непринужденно беседуют на нецензурном наречии, и, завидев преподавателя, извиняются:

— Ой, простите, я Вас не заметил(а).

Какой потрясающий современный сарказм,— раньше бывалые мужчины смущались от произнесенных ими крепких слов, заметив женщину или ребенка,— теперь подросток в силу извращенности понятий «беречь невинность» взрослого.

Говорят, когда-то давно был каменный век. Толпы необразованных, неопрятных и неинтеллигентных граждан обитали в пещерах и рисовали на стенах. В те неуклюжие времена человек жил коротко, в трудах и страхе.

Не замечаю, чтобы наше столетие так уж отличалось от каменного века.

С тех пор, само собой, индивидуальная длительность жизни в среднем увеличилась, люди «...сильно изменились... внешне... О костюмах нечего... и говорить, ... появились ... трамваи, автомобили, ... телефоны и прочая ... аппаратура...» (М. Булгаков). Но попробуйте отыскать среди всего этого — *человека!*

Его присутствие можно заподозрить только косвенно — по следам. Индивидуумы, составляющие толпу, вызывают опасение. От каждого из нас предпочтительнее держаться на расстоянии. В метро и на улице непременно найдется тот, кто без всякого повода толкнет соседа, что есть силы, да еще с аппетитом обругает. Многие глядят друг на друга кровными врагами, — и даже в церкви не смутятся проявить к кому-нибудь самые нерелигиозные чувства.

Известно, что произведения литературы и искусства — показатель бытия человеческого. Какие книги пишутся в последнее время? Чем отличаются от прежних? Прочтем — и сравним.

«...Самое тяжкое бремя суть одновременно и образ самого сочного наполнения жизни». Так утверждает, уже с 1984 года, Кундера в романе «Невыносимая легкость бытия». Я вижу в этих словах синоним понятия «единства и борьбы противоположностей» нашего времени. Пройдет еще немного лет, и какой-нибудь новый автор окончательно поставит знак равенства между отчаянием и счастьем.

Кажется, совсем недавно человек стремился быть как можно более приятным для окружающих. Иногда это доходило до абсурда, боялись сделать даже намек на естественные проявления организма. «...Она была напичкана едой до отвала и ...ежеминутно боялась, как бы не рыгнуть. Этим можно было погубить все — ведь лишь очень пожилые мужчины и дамы могли себе позволить такое, не упав в глазах общества» (М. Митчелл).

Однако теперь господствует лозунг «что естественно, то не безобразно». Человек ведет себя непринужденнее животного. Возникает ощущение, что каждый стремится произвести на всех вокруг наиболее мерзкое впечатление, — и книги, спектакли, фильмы сразу наполнились детальными изображениями моментов жизни, которым лучше оставаться вполне интимными. «Она сидела на унитазе, и жажда опростать внутренности, внезапно овладевшая ею, была жаждой дойти до конца унижения, стать телом по возможности больше и полнее, тем самым телом, чье назначение, как говаривала мать, лишь в том, чтобы переваривать и выделять. Нет ничего более жалкого, чем ее нагое тело, сидящее на расширенной оконечности сточной трубы» (М. Кундера).

Изумительный образец современного художественного слова. Какое воздействие оказывает он на молодого человека?

Если бы ЭТО прочел Пушкин, подобный слог сразил бы его еще до дуэли. Может быть, талантливым авторам следует чувствовать ответственность за последствия обнародования своих творений?

Примечательный факт: я практически не встречала в художественной литературе столь детальных описаний функционирования сердечной мышцы, позвоночника, кровеносной системы и т. д. Однако натуралистические подробности работы выделительных органов и сопутствующих ощущений буквально заполнили современную прозу, поэзию и даже сцену. Возникает впечатление чересчур однобокой страсти к изучению анатомической науки.

Итак, человеком нашего времени овладела «жажда унижения». Привет тебе, о Навоз!

Некий суперсовременный художник (простите, имени его мне не удалось запомнить, да и стоило ли?) предложил публике картину под смачным названием «В глубь России». Человек, слегка наклонившись, напряженно вглядывается корове под хвост. Теперь не только бумага, но и любой материал, пригодный для обработки, вынужден быть крайне терпеливым. Самый благородный мрамор или металл может оказаться использованным для изделия, при виде которого неудержимо потянет «опростать внутренности». Беззащитный сравнительно недорогой холст тем более находится в невыгодном положении.

Удивительно ли, что подросток, одурманенный подобной информацией, теряет необходимый для жизни здоровый оптимизм и тянется к алкоголю, наркотикам, сигаретам, уходит от вывернутой наизнанку реальности в компьютерные миры? Слишком многие ребята не могут представить иного проведения выходных и праздников, и я, практикующий педагог, свидетельствую это.

Фидий, Челлини, Микеланджело, создавшие произведения, демонстрирующие красоту и величие Духа Человека в прекрасном и совершенном теле,— их всех побочку, они нам не указ. Зевса надо было водрузить не на трон, а на стульчак, и дать ему в руки рулон туалетной бумаги. Получился бы новомодный современный шедевр. «Жалкое нагое тело пою!»

Очевидно, «легкость бытия» состоит в том, что не требуется обременять себя стремлением быть лучше. Новый идеал человечества — свифтовский йеху. Вспомним хотя бы всплывшую на этой мутной волне Веру Павлову:

*В дневнике литературу мы сокращали лит-ра,
И нам не приходила в голову рифма пол-литра...
И не знали мальчики, выводившие лит-ра,
Который из них загнетя от лишнего литра...*

Как возможен стал такой невероятный, трагически-дикий перепад от Пушкина, от Серебряного века до столь глубокого убожества?

«...Чем тяжелее бремя, тем наша жизнь ближе к земле, тем она реальнее и правдивее» (М. Кундера). Навозная жижа, несомненно, достоверна и безупречно честна. Однако не менее реальны чистота и свежий воздух после уборки. Делайте свой выбор, решайте, кто вы,— «жалкое... тело» с единственным назначением «переваривать и выделять»,— или микеланджеловский Давид, свободный и прекрасный герой, способный справиться своими силами почти с любой сверхзадачей. Жаль, когда талантливый автор загрязняет атмосферу Искусства, и в результате хочется лишний раз вымыть руки с мылом. В этом смысле «легкость бытия» действительно «невыносима».

Я не сомневаюсь, что многие возмутятся высказанным здесь мнением,— дескать, роман признан во всем мире, переведен на разные языки, считается шедевром и т. д. Ничьи протесты меня не испугают. Мне это не нравится, вызывает чувство брезгливости, кроме того, я в своем мнении далеко не одинока. Вы скажете — ново? Ничего подобного — вспомните Рабле. Но при этом Рабле — сатирик, и его цель — исправление, а не унижение человека. Вы скажете — интересно? Много ли интересного вы черпаете в унитазе? Если — да, то я вам глубоко сочувствую.

М. Кундера предлагает нам посмотреть на себя в перевернутый бинокль, подобные произведения выращивают в человеке комплексы неполноценности, ощущение своего ничтожества и, как следствие, агрессивность. Таково мое мнение,— кстати, основанное на жизненном опыте. Начитавшись подобных книг, молоденькая преподавательница философии с непринужденной уверенностью утверждает на своих уроках, что самым естественным для людского общества жизненным девизом является поговорка «человек человеку волк». Вам не страшно? Результат воцарения в социуме такого мнения — уже не рост, а взлет преступности, насилия, обширная атрофия добра.

Для сравнения хочу вспомнить «Искру жизни» Ремарка, созданную в 1952 году, всего на 32 года раньше. Место действия — германский концентрационный лагерь, фабрика переделки человека в низшее животное. Результат прочтения — захватывающая дух гордость за то, что в столь чудовищных условиях совсем немало было людей, которые до конца сохраняли высочайшую степень достоинства личности, находили в себе способность любить, — и даже поддерживать чужую любовь, возникшую рядом с ними.

«...Пятьсот девятый достал из кармана кусок хлеба.

— На вот. Мне не нужно. Мне... хватило. Отдашь это Рут...

Голова его упала на грудь, но он с усилием поднял ее еще раз, и его разукрашенный кровоподтеками череп внезапно озарила улыбка...

— Ведь это тоже очень важно... что-то давать...»

Я оглядываюсь вокруг и вижу, что нет сейчас хронического и безнадежного голода. Однако немного попадается мне людей, которым «важно что-то давать». Тех, кому важно брать, даже не брать — хватать, отбирать в свою личную пользу, неизмеримо больше.

Теперь не верится, что люди месяцами, годами жили в условиях безысходного негатива, — и им удавалось сохранять в себе живую и прекрасную человеческую душу. Но вокруг них обитали «двуногие прямоходящие» монстры, создававшие этот немислимый ад, причем не испытывая никаких сомнений, даже самых смутных. Им просто не приходила в голову мысль о дикости и нелепости того, что они творили. Гитлеризм изобрел систему воспитания чудовищ из собственных детей, но и наши эксперименты с информационным полем уже приносят обильный и очень ядовитый урожай, возможно, дальнего действия.

Страшно и удивительно, что люди могут с легкостью трансформировать свои понятия в таком необозримо широком диапазоне, где на одном конце шкалы комендант концентрационного лагеря, а на другом — Мать Тереза. Нет у нас никакого права лишать своих детей способности радоваться жизни, верить в то, что она дана для счастья и осуществления большой мечты, а не является нелепым выбросом в мир страданий и болезней. История цивилизации, в том числе XX века, хранит несметные сокровища педагогического опыта, позволяющего решить эту сложную задачу, но мы полностью отказались от проверенного знания, и тщимся изобрести новый велосипед.

Наш век далек от сентиментализма. Каждый день плохо выспавшаяся необходимость гонит одну толпу сквозь другую вдоль и поперек улицы, никто не смотрит на бегущих мимо случайных соседей. Некогда смотреть вокруг, некогда замечать друг друга. В общении преобладают сухость, резкость, поспешные краткие ответы. «Сбербанк за углом... Простите, мой автобус...» На такую ерунду, как счастье, времени нет.

Но изредка оказывается, что некуда бежать. Можно присесть под усыпанной цветами старой яблоней в тихом саду, где только издали слышен визг соседской электропилы, и почитать, к примеру, Шиллера. Возникает основательно забытое ощущение медленно горящей свечи, хрупко звучащей ласковой музыки, соловьиной возни в кусте жасмина перед началом ночного концерта, в душе пробуждается бессмысленная несовременная нежность. Вдруг начинаешь понимать, что многое почти безвозвратно утрачено нами, — и всего этого становится жаль.

В наше изломанное время, не успевая любить, люди находят возможность интриговать, завидовать и вершить другие не менее интересные дела. Для возвращения добрых чувств, как видно, необходим изрядный досуг, однако злобе короткий день не помеха. Есть ли любовь, заметить трудно, но коварства хоть отбавляй.

Кстати, — нам так сильно нравится понятие «современность», что стало модно старинные сюжеты переносить в нашу своеобразную действительность. Особенно смехо-

творны в таком контексте «Кармен» и «Травиата» — переродились в комедии, да и только. Я попытаюсь вообразить себе современных Луизу Миллер и Фердинанда.

Прежде всего,— их отношения с первой же встречи должны стать куда ближе, чем это допускалось во времена Шиллера, и никто из зрителей не упрекнул бы их в этом, а страдания ее отца выглядели бы на редкость смешными.

«Это что же, плата за честь моей дочери?.. Убирайся ты к черту, мерзкая сводня!..»

Кроме того, отказ Фердинанда жениться на богатой леди Мильфорд смотрелся бы потешно из-за его многословия и мотивации.

«...Простите, я не могу поверить, что вы британка. Свободная дочь... свободного народа, ... который до того горд, что не курит фимиама даже добродетели чужестранцев, ни за что не станет улаживать их пороки... Нет, вы... не британка...».

Кто это будет слушать? Конечно, необходимо перевести текст на современный жаргон, к примеру: «...Че ты мне впариваешь, будто ты классная телка...» и так далее. Сочно, выразительно, а главное,— в духе времени и без лишней сентиментальности. Пара нецензурных выражений придаст еще больше реалистичности подобному спектаклю.

В его трагический финал и вовсе никто не поверит, если снова не сделать ему небольшую прививку.

«...Я совершил убийство..., и ты не можешь от меня требовать, чтобы я один шел с этой ношей к всеправедному судии...».

Кого сейчас смутит таким пустяком? Почти каждый день симпатичные дикторы со спокойной полуулыбкой сообщают об очередном заказном убийстве, массовой аварии или о какой-нибудь столь же несущественной детали в нашей жизни. Мы так страшно привыкли к этому, что для восприятия трагический финал должен быть не только современным, но и максимально ярким.

Скажем,— летят все они в самолете, натурально, выясняют отношения, затем разборка, море крови, что-нибудь эдакое... Далее самолет, конечно, падает с соответствующими подробностями и последствиями. Можно кого-нибудь оставить в живых, но чтобы непременно с потерей памяти. Зрители рыдают, прибыль аккуратно притекает на счет в банке, шедевр удался.

Впрочем, человек смеется не менее активно, чем льет слезы и пугается. Можно достичь нужного эффекта,— я разумею счет в банке,— с меньшими усилиями, сохранив по большей части авторский текст и поместив героев в современные условия. Перед нами отдельно взятый сумасшедший дом,— и готова комедия. Кто же воспримет всерьез страсти столь высокие, речи столь праведные, мысли столь чистые, не обрамленные в истлевшие одежды давнего столетия? Ведь в наше время даже некурящая девушка — почти анахронизм.

С какой омерзительной готовностью мы вывернули наизнанку все наши лучшие чувства и как усиленно тщимся убедить себя и других в том, что изнанка красивее лица! Возникает мысль: может быть, человек — просто негодное существо, не способное дорасти до лучшего воплощения самого себя? Гляньте, сколь жадно он хватывается за все грязное и порочное в жизни! Устрашающе привычными стали нецензурщина и убогий жаргон на улицах, в кино, в книгах, на телевидении. Если человек наступил в навозную кучу, ему противно, он бежит отмываться, однако он охотно пребывает в грязи нравственной. А как часто люди стыдятся своих лучших качеств, скрывая их от окружающих, особенно молодежь и подростки!?

«...Я вступался за униженных, выпрямлял кривду... Я неизменно устремлялся к благим целям, а именно: всем делать добро и никому не делать зла...» (М. Сервантес).

Годы, века все идут, преобразуя до неузнаваемости мир,— а человек до сих пор часто оказывается банкротом перед лицом Добра; начинает казаться, что и слова эти — добро, справедливость, честь, великодушие — придуманы просто так, на потеху толпе.

*Упорен в нас порок, раскаянье — притворно;
За все сторицею себе воздать спеша,
Опять путем греха, смеясь, скользит душа,
Слезами трусости омыв свой путь позорный.*

Ш. Бодлер

Что за социум мы построили, с потрясающим усердием возведя на пьедестал деятельный и жесткий эгоизм, научившись,— в лучшем случае, со снисходительно-презрительной усмешкой наблюдать чьи-то искренние проявления? Неуютно всем: богатым, бедным, умным и глупым, страшно — красивым и талантливым (на них легко находятся потребители, но нет почитателей).

Смотрю,— малыш учится ходить, перебирая слабыми ножками; люди умиляются, глядя на него; но не успеет он подрасти, как взгляды окружающих резко меняются, чем он старше, тем меньше у него шансов вызвать бескорыстный интерес к себе, и наконец на него обрушиваются льды, сотворенные человеческим равнодушием, пренебрежением, завистью, злобой.

Смотрю, как грубо обрываются надежды достойных людей, как легко звонкая монета расчищает путь самоуверенному болвану,— и как это страшно не ново на Земле! На собственной боли мы только научились изощреннее мучить других, не умея понимать, помогать и радовать. Невозможно представить, каким страданием сочтется весь исторический путь человечества по нашей же вине.

Из-за богатства люди «искривляют правду, унижают достойных», втаптывают в грязь истину,— и это не только страшно, но и смешно. Оголтело вырубаются леса ради наживы,— но зачем им без воздуха деньги? Искореняются лучшие чувства, заземляются высочайшие душевные порывы, без которых жизнь теряет всякий смысл,— чтобы удовлетворить ничтожные и низменные инстинкты. Совершается ужасное дело — все чаще матери выбрасывают новорожденных детей в мусорные контейнеры, специально теряют малышей в транспорте и на вокзалах. В фильме «Дети Дон Кихота» герой Анатолия Папанова на склоне лет усыновляет всего лишь четвертого ребенка, потому что «от детей отказываются редко». Представьте, каким многодетным отцом пришлось бы ему стать в наше время при его-то характере!

Начало XXI века отличилось массовым «расчеловечиванием» людей почти во всех сферах социума. Приветствуется демонстративно-животное существование, вдобавок с потерей глубинного инстинкта заботы о потомстве. Высмеивается наличие интеллекта,— исключая финансово-добывающий талант.

И все же я не согласна с теми, кто утверждает, что люди плохи по своей природе. Нам известно о жизненном пути Матери Терезы, ее многочисленных помощниц и последователей. В истории человечества великое множество тех, кто посвящал себя безупречному альтруизму, забывая о собственных удобствах и интересах. Декабристы и их жены, безымянные труженики тыла Великой Отечественной войны, самоотверженные строители новых городов. Правда, теперь мы научили наших детей смеяться над ними, а то и презирать все, ради чего они жили и умирали.

*Сливеют
губы
с холода,
Но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»*

В. Маяковский

Путь Искусства — отражение и развитие лучшего, высшего начала в человеческой душе. Я слышала утверждения некоторых молодых и молодящихся деятелей культуры, будто персонажи новейших произведений должны говорить на жаргоне и с использованием нецензурных выражений, так как это будто бы есть современный язык. Мне довелось ознакомиться с подобным «переводом» одного из сонетов Шекспира. Молодой автор непринужденно сообщил, что, поскольку Шекспир использовал для своего творчества общепринятые в его время языковые формы, то и нам надлежит в искусстве изъясняться по-свойски, — имея почему-то в виду подзаборно-тюремный диалект, довольно-таки распространенный последние годы в нашем обиходе. Трудно понять причину, по которой часто этот диалект неоправданно величают современным русским языком. «Переводчик» не учел, что в любом столетии существуют и свой жаргон, и собственные нецензурные выражения, однако Шекспир не их выбрал для творчества. Он любил и уважал родную английскую речь, стремился к ее возвышению и совершенствованию. Мы окунули наши языки и души в грязь, не разговариваем, а плюемся, — и плевки именуем словами.

Не пора ли нам снова научиться по-настоящему любить своих детей?

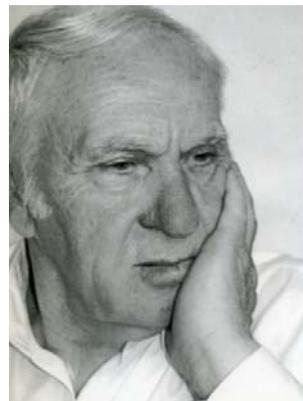
Культура — это процесс созревания, а не гниения человеческой цивилизации. Искусство — ее речь, но никак не брань.

Подъем по лестнице, конечно, требует от нас больше усилий, чем спуск или падение.

Чем обусловлен наш выбор?

Виктор Пахомов
(г. Тула)

К СТОЛЕТИЮ ПОЭТА

Ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», заслуженный деятель культуры РФ, академик, почетный гражданин города Тулы

*Я пахарь по духу и крови,
Я пашней живу и дышу
И гордо пшеничные брови
Как дар материнский ношу...*

Судьба тульского поэта Василия Михайловича Галкина, чье надвигающееся столетие требует воздать ему должное, которое, если и отличимо от судеб многих из его поколения, то лишь тем, что он был несуетным сыном своего отечества, своего славного донского края, своей Куликовки, где был рожден в бедной крестьянской семье.

На его долю с лихвой выпало бед и лишений, непростых поворотов судьбы, выбравшей для него годы коллективизации и Великой Отечественной войны. Уже одно это о многом говорит нам.

*Я из сельской округи,
Где землю живут
И где лютые вьюги
По неделям поют,
Где весной в разливах
Морем кажется Дон,
Там высокие ивы
Заслоняют прогон.*

*И ометы, как струги,
Прямо к фермам плывут...
Я из сельской округи,
Где землю живут.*

Ничего иллюзорного, кубанско-казачьего, чужого, привнесенного из лирики поэтов его времени. За строчками — жизнь родного села, земляков — колхозников, родни своей.

Самородный талант крестьянского поэта был оценен и в Литературном институте, где он учился и в кругах поэтической братии, и в сердцах читателей, которых у него, в сравнении с нами, было немало.

Его скромные поэтические сборники не залеживались на книжных прилавках, находили пути к детям, молодежи, взрослым.

Рука так и тянется причислить его к востребованным, преуспевающим авторам.

*Я видел горы и моря,
Топтал дороги заграницы,
Но всюду вы, мои поля,
Жгли надо мной свои зарницы.
Я зяб в снегах, я в реках мок,
Шел по болотам с автоматом,
Но отчий, добрый уголок
Не забывал я и солдатом.
Я без тебя не жил и дня,
Со смертью будучи в соседстве,
Село мое, прими меня
И приласкай как в давнем детстве.*

И сегодня, в наше онемевшее и оглушенное время, стихи поэта согревают душу, вызывают отклик в ней.

Родился поэт 7 ноября 1911 года в селе Куликовка Епифанского уезда Тульской губернии.

В свое время окончил сельскую школу. Служил в Красной армии. Учился в Ржевской совпартшколе, в Калининской газетной школе. Перед войной был призван в пограничные войска. Публиковался в газетах Грузии и Литвы. Среди лучших его сборников: «Стихи», «Родные просторы», «Отчий кров», «Хлеб-соль», «Обжитая сторона», в которых сумел раскрыть свою лирическую оригинальность. Сборник прозы «На земле яснополянской» дал читателям живую картину замечательных уголков Щекинского района, его Ясной Поляны и Крапивны. Проза поэта одухотворена его неизбывной любовью к родине великого Толстого, его удивительных современников.

За внешней стороной биографии поэта нетрудно увидеть человека в его творческом пути. Это — верность и преданность родной земле, отчему тульскому краю.

Конечно, то время, в котором он жил, освещалось, скажем так, другим солнцем. Но лирика поэта и ныне задевает струны души современника. Поэтому не могу объяснить, почему у добросовестного тульского литературоведа Н. А. Милонова о незаурядном творчестве В. М. Галкина не нашлось пары слов в его известном труде «Русские писатели и Тульский край». А ходячие домыслы на этот пробел приводить нет смысла.

Сегодня удивительно даже, минувший век, поглотивший многих тульских куда более громких поэтов не дает кануть в лету Василию Михайловичу Галкину, чьи стихи продолжают выходить в различных изданиях тульского края, что свидетельствует о него востребованности нашим сегодняшним беспмятным временем. Память народная — вещь непредсказуемая.

Не об этом ли писал поэт, обращаясь к родному краю!

*Тут все мое: и даль, и выси.
Я тут всему живому — свой.
Я, словно в метрике, прописан
В извечной книге полевой.*

Свое творчество поэт судил непредвзято и строго, не обманывался в своих возможностях и достижениях, хотя и знал себе цену как гражданина и поэта.

*Память! Ты лишь одна сохранила
Прежний облик поры заревой,
Только глянув в тебя, я бываю
В детстве, в юности давней своей.
На твоих лишь дорогах встречаю
И живых, и погибших друзей.
Поднимаюсь с тобой по тревогам,
Сняв с гвоздя фронтовую шинель,
И опять ухожу по дорогам*

*Бликих мне и далеких земель.
Ты ребенком меня повстречала
И полвека глядишь мне в лицо.
Память! Ты моей жизни начало
И тебе быть последним концом...*

Перечитывая стихи поэта, убеждаюсь, что в истории литературы тульского края имя поэта Василия Галкина удержалось до наших дней совсем не случайно, а по праву. По праву перейдет оно и в грядущие времена. Залогом этого его стихи о Родине, родном крае, среди которых: «Донские берега», «Я на тихом Дону рожден», «Отец», «Подарок», «На току» и многие другие. А балладу «Яшка Рыжий», будь моя воля, я бы внес в региональный компонент по литературе во все школы Тульской области. Она заслуживает этого. В ней, отнюдь не выдуманной поэтом истории, говорится о поразительном кузнеце — умельце, обувшем в годы войны своих односельчан в железные калоши.

*...Лез мужик из кожи вон:
Делал ведра, трубы, кружки.
Днями целыми трезвон
Раздавался из лачужки.
Все ж доход был невелик,
Труд оказывался дешев.
И додумался мужик
Из железа гнуть калоши.
Обновил их первый сам,
Обрядил детей с женою,
Пары три склепал и нам
И не гнался за ценою...*

Время проверяет нас на нашу востребованность. Проверку выдерживают единицы. Тульский поэт Галкин эту проверку выдержал. Он в полной мере оправдал оценку, данную ему Михаилом Лукониным и Анисимом Кронгаузом, выделивших его из молодых того времени за «живые и свежие образы стихов» («Начало пути» Тульский альманах, 1948 г.)

Особенно плодотворными для поэта были шестидесятые годы. Тульское книжное издательство издает его книги для детей. Поэтическую «Мы дружные ребята», прозаическую «Как я к попу за астронимией ходил». Чуть позже, в 1967 году вышел сборник «Хлеб-соль» тульского поэта Василия Галкина. Простым, но выразительным и точным языком рассказывает он о красоте среднерусской природы, о беззаветном труде своих земляков.

Галкин не чурался корреспондентской работы, вопреки мнению о пагубности ее. Участие в ней, наоборот, насыщало его поэтическое творчество. В любом его сборнике легко узнавались дорогие ему родные места тульщины, которые становились родными и его читателям. В этом тайна поэзии. Поэзия пуста и мертва без этой взаимосвязи, поэта и читателя. Одни названия стихотворений в его сборниках свидетельствуют о его неостываемой с годами любви к родной земле: «Обжитая сторона», «Донские берега», «Муравский шлях», «Вороний плес», «Артюшкин колодезь» и многие другие, простодушные, рассказывающие о географии его творчества.

Умер поэт в 1982 году на ставшей родной ему яснополянской земле. Похоронен в городе Щекино.

УРОКИ ПРАВДЫ

Размышления над романом Алексея Яшина «Катехизис идеалиста»

В молитве проси только Правды

Евангелие от Матфея

В первом номере «Приокских зорь» опубликована рецензия Л. Ханбекова на роман-размышление А. А. Яшина «Катехизис идеалиста». В рецензии приведено немало ярких содержательных цитат, одно чтение которых должно заставить серьезного читателя искать роман, чтобы самому погрузиться в целостный художественный мир книги, в которой нет ничего второстепенного, а все главное, благодаря убедительной позиции писателя. Мне повезло, и я получила книгу в подарок от автора. Прочитала дважды. Первые впечатления отстоялись, сформировалось четкое мнение, которым хочу поделиться с читателями.

Роман-размышление «Катехизис идеалиста» — вещь самобытная, выстраданная. Эта книга, как предупреждает сам автор, «не для убогих умом и душой». Роман-исследование, ставший итогом «ума холодных размышлений и сердца горестных замет», адресован вдумчивому, умному читателю-единомышленнику.

К роману не так-то легко приступить с привычными оценочными мерками. «Катехизис идеалиста» можно отнести к нравственно-философской прозе, так как глубина исторического охвата материала не панорамно-описательная, а аналитическая, направленная на то, чтобы понять истоки и закономерности социального и общественного состояния общества, вписать десятилетия советской эпохи в общую цепь национальной истории, постичь сложную взаимосвязь современных наслоений и вечного в психологии человека.

Все, кто знаком с творчеством даровитого романиста, рассказчика, публициста А. А. Яшина, знают, что автор — знаток человеческих душ и характеров, мастер логически точно выстроенного повествования, необычайно наблюдателен, ироничен, конкретен в своих суждениях, глубок и смел в своих оценках.

Но в новом романе А. А. Яшин выступает не только как писатель, описывающий события, а как историк, ученый—исследователь, социолог, психолог, летописец, создавший труд, равный работе научного института.

Читателей поразит энциклопедичность знаний автора, безгранично масштабная литературная палитра, диапазон поднимаемых тем. Роман не ностальгия о прошлом, не попытка реанимации истории, а призыв к переосмыслению исторического опыта, глубокое исследование талантливое, мудрого ученого-аналитика.

Предоставить слово Вождю-патриарху — так можно определить творческую цель писателя-романиста. А. А. Яшин дает читателям уникальную возможность «общения» с Вождем, не только и не столько, как с «отцом народов», а как с обычным человеком, рожденным «земной женщиной». На страницах романа И. В. Сталин, постаревший, больной и одинокий, мучительно размышляет о прожитом, пережитом, допущенных ошибках и упущенных возможностях, о друзьях и врагах, о будущем России. Кажется. Что и голос слышишь Вождя, его неторопливую, глуховатую, размеренную речь с грузинским акцентом. Читатель погрузится вместе с Вождем в рассуждения об индустриализации и коллективизации, о национальном вопросе, о Гулаге, церкви и культуре, политике и экономике, войне и мире. Читатель вместе с автором будет размышлять о многом, многое переосмысливать, делать выводы и о культе личности, и о бремени власти, о частной собственности и западной демократии, о развитии науки и роли интеллигенции в переломные моменты истории. Перед чита-

телями пройдут соратники Вождя, политические, военные, государственные деятели, старая гвардия большевиков, и галерея доносчиков, предателей, иуд и «просто дураков». Вождь предстает перед читателем как романтик-идеалист, поставивший задачу воплощения в жизнь христианской идеи о создании общества равенства и социальной справедливости, о создании сверхмощной державы СССР, мировой системы социализма.

Замечательно, что в канву романа вплетены юношеские стихи Джугашвили в талантливом переводе В. Резцова, и через все повествование проходит образ старца Ниники, созданный поэтическим воображением «первого идеалиста новой эры», который и, став Генералиссимусом, остается романтиком, мечтавшим о воплощении юношеских идеалов в реальные дела. Живая речь, живая интонация, житейская мудрость, острый ум, дальновидность И. В. Сталина в передаче писателя очевидны, узнаваемы, психологически мотивированы. Писательская опытность, зрелое мастерство А. А. Яшина-романиста, его особый самобытный стиль изложения дают возможность так построить все ходы произведения, что читатель получает эмоциональную возможность прожить те исторические годы, соотнеся их со своей жизнью, современными социально общественными явлениями, с окружающим миром, находя ответы на свои вопросы и сомнения.

То, что роман может стать основой для литературных и общественных дискуссий, для острой полемики становится ясно с первых страниц. Достаточно вспомнить нашумевшее телевизионное шоу двухлетней давности «Выбери имя России», в котором первоначально лидировал И. В. Сталин, а затем «кукловоды» шоу отодвинули его на третье место. Об этом много написано, в том числе и в рецензии Л. Ханбекова, да и в романе автор едко, со свойственным ему сарказмом отзываясь об этом помпезном шоу. И хотя с течением времени полемика о роли Вождя в мировой Истории не утихает, отрицать, что И. В. Сталин личность выдающаяся, не станут сегодня и те, для кого он антикумир, и думаю, что чтение романа для подобных читателей было бы особенно поучительно.

Читатель, чье сердце болит о судьбе России, почувствует физически, как велика трагедия страны, где нет достойных преемников высшей власти, которая кажется такой «заманчивой и необременительной» в периоды стабильности государства.

Напомню читателям, что одна из глав романа, была опубликована к 130-летию И. В. Сталина в «Приокских зорях» задолго до издания «Катехизиса идеалиста» (№ 4, 2009 г.) Анализируя военные триумфы России, национальную российскую историю, в которой были Куликовская и Полтавская битвы, Отечественная война 1812 г., русско-турецкая 1877 г., Гражданская, 1914 г. и, наконец, Великая Отечественная, автор убедительно показал, что самый жизнестойкий вариант социального государства — социалистическое государство. Именно советский интернационализм, советская власть, как апофеоз народовластия, были в основе свершения трудовых и военных подвигов народа.

Писателю-исследователю удалось раскрыть многотрудную жизнь и историческую значимость личности, дел, мыслей, наследия великого Вождя, принявшего «страну с сохой, а оставившего с атомной бомбой» (Черчилль). Будучи верным Правде жизни и истории, А. А. Яшин показал душевную трагедию Вождя — патриарха, Генералиссимуса — идеалиста, не достигшего высшей своей цели, не оставившего достойных преемников, человека предвидящего, что после смерти его будут «проклинать и боготворить», что имя его будет «оболгано и оплевано», что на его «могилу нанесут кучу мусора». В романе, думая о будущем, Вождь пророчески предвидит извращение дел партии и народа, возможность разрушения СССР, «трагедию духа и воли», в чем виновны не только предатели номенклатурщики, но и сам народ в котором биологически возродится частнособственнический инстинкт. Не стану «выщи-

пывать» цитаты из живой плоти романа, который оставляет сильное и долгое впечатление, заставляет перечитывать монологи, обдумывать целые страницы. Размышления великого Вождя и горькие наблюдения автора, поданы в романе так ярко и эмоционально, что читатель должен остаться наедине с ними, впитать их, прочувствовать сердцем, умом, совестью. А, поняв и приняв, поделиться как с единомышленниками, так и с теми, кто по недоумию, лени или в силу обстоятельств попал в «паучьи сети» иуд, предавших государство. А самое главное, донести истину, эти уроки Правды до молодого поколения. Роман острого гражданского звучания, требующий от читателя осмысления общественно-политического, социально-экономического, культурно-нравственного состояния современного общества заставляет задуматься о будущей судьбе России.

Сегодня, когда мир вступает в эпоху глобализации, рождающую тревожные вопросы о судьбе человечества и остром осознании необходимости общечеловеческого единства, роман А. А. Яшина становится явлением не только литературным, но общественным.

Позволю себе не согласиться с мнением Леонида Ханбекова, что писатель со своим романом «припозднился». Это своевременная книга с пронзительными уроками Правды, роман предупреждение о том, что мир без великих идеалистов может «уподобиться пустыне» и самое страшное, если эта пустыня, будет душевной, нравственной пустотой. Несмотря на тотальное обольчивание сознания населения средствами массовой информации, общество становится все требовательней к информации, начинает отличать мифы от реальности. Роман не оставит равнодушными тех, у кого такая же четкая гражданская позиция, как у автора, для кого продолжают существовать законы нравственности, достоинства, совести, патриотизма. И до тех пор, пока из уст людей вырывается фраза: «Сталина на вас нет!», роман А.А. Яшина «Катехизис идеалиста» будет востребован, будет заставлять думать, сопоставлять, делать выводы. И верить, что все имена очернителей Истории, газетно-журнальных борзописцев канут в Лету или, как говорил Вождь в беседе с Коллонтай, «ветер истории все это развеет» и духовный потенциал народа раскроется во всей его масштабности и глубине.

Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление. М.: «Московский Парнас». 2010.— 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

Л. А., г. Москва